

Александр Киселев, Алексей Лубков

РУСЬ: ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ПРАВОСЛАВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ*

Предисловие

АКТУАЛЬНОСТЬ ДРЕВНОСТИ

Мы живем в эпоху грандиозной исторической метаморфозы, охватившей человечество. Россия является одной из узловых точек происходящих изменений, если иметь в виду не географическое понятие как таковое, а подразумевать, прежде всего, общество.

Среди драматических обстоятельств переломного времени, переживаемого сегодня, многие отмечают утрату чувства исторической перспективы – необходимого условия нормального человеческого бытия. «Нормального» означает естественного, органического уклада жизни, когда общество в целом и составляющие его люди (пусть не все, но большинство) обладают незамутненной способностью различать добро и зло, в меру своих возможностей стремятся утверждать добрые начала мироустройства.

Парадокс состоит в том, что бесперспективность, зыбкость и неопределенность будущего тесно связаны с утратой исторических корней, ибо наше настоящее является не чем иным, нежели сгустком прошлого, нашим актуальным историческим наследием. По образному выражению Мартина Хайдеггера, мы входим в историю, пятясь. И если мы утрачиваем способность черпать силы из прошлого, то нам некуда идти вперед, точнее, мы теряем направление движения. Именно поэтому в России наше разобщенное общество, да и просто все мыслящие люди, так нуждаются в истории как осознании себя и своего мироощущения.

Для того чтобы стоять твердо и уверенно идти вперед, мы должны обрести свою историю, вернуть ее и постичь, если угодно, присвоить. У прошлого есть великая сила, а потому – власть над настоящим и будущим, игнорировать которую никому не дано. Действительно, история живет здесь и сейчас, пронизывает и во многом определяет все наше бытие, придает ему самобытный и неповторимый колорит, а главное – смысл жизни государства, общества и личности.

Каждый человек приходит в мир, который уже есть история – история его страны, семьи, личная история. Большую часть знаний, которыми мы пользуемся,

* Из материалов книги: *Киселев А.Ф. Русь: от язычества к православной государственности* / Александр Киселев, Алексей Лубков. М.: Вече, 2022. 464 с.: ил. – (Русская история).

накопили люди, жившие до нас. Искусство, музыка, литература, поэзия, архитектура, нормы морали и нравственности, общественные устои, политические институты, право и законы, идеи и идеалы, и многое другое – это плоды и результаты деятельности предшествующих поколений. Религия, религиозный опыт, святыни, ритуалы, обычаи, образцы поведения – из прошлого.

Без преувеличения, прошлое властвует над настоящим. Вольно или невольно, но каждое новое поколение вынуждено вписываться в то общество и те отношения между людьми, которые уже сложились. Поэтому, безусловно, прав выдающийся российский мыслитель С.Л. Франк (1877–1950), когда утверждал, что всякое отречение от прошлого есть зло и заблуждение. «Тысячелетия далекого прошлого кажутся нам менее значительными, менее существенными, чем столетие более близкого нам прошлого или чем десятилетие того ближайшего прошлого, которое протекло на наших глазах. <...> Однако совершенно очевидно, что такая неизбежная оценка в огромной, подавляющей мере есть просто ошибка перспективы, определенная чисто субъективным нашим интересом к настоящему. <...> История человечества – так же, как и история индивидуальной жизни, – есть процесс, в котором *прошлое сохраняется в настоящем...* наслаивается и опирается на него и содержит его в себе: история немислима без памяти. Ничто не уходит, не пропадает бесследно...»¹.

В развитии человечества с огромной силой очевидности действуют два закона – непрерывности и преемственности. В этой связи обращение к древней истории всегда актуально, так как именно в глубине тысячелетий началось восхождение наших древних пращуров к человечности, к обретению ими первого опыта осмысления мира и собственной субъектности в нем, к пробуждению творческих сил и потребностей, к созданию рукотворной среды обитания, органично встроенной в окружающий мир. Именно тогда произошла первая встреча двух миров – зарождающегося человеческого и вечного, Богом созданного мира природы.

Каким образом и на какой основе строились эти отношения? Ответ однозначный – на духовной. Сугубо материально-потребительское отношение к внешнему миру придет спустя тысячелетия, и от первобытного общежития естественного человека и природы не останется и следа. Более того, человек перейдет от одухотворения природы и почитания ее святости – к войне с ней за удовлетворение растущих потребностей в материальных благах. Результат очевиден. Мир стоит на грани экологической катастрофы и фатального для человечества истощения природных ресурсов.

В этой связи весьма актуально обращение к истокам зарождавшихся отношений человека с природой, дабы глубже прочувствовать, с чего начали и к чему пришли, чтобы пристально всмотреться в зеркало тысячелетий и сравнить образ давно ушедших людей с современным. Увы, сравнение будет не в нашу пользу. Древний человек, пусть даже с копьем в руке, но святынями в сердце, гораздо менее опасен, чем наш современник с ядерным оружием и неудержимой погоней за благами, преимущественно материальными, одухотворенный не проверенными

1 Франк С.Л. Свет во тьме: Опыт христианской этики и социальной философии. М., 1998. С. 225–226.

веками святынями, а постмодернизмом с его лозунгом «Бог умер» и погружением в виртуальный, иллюзорный мир.

Более того, сегодня желанными и едва ли не единственными целями обозначены создание искусственного интеллекта, цифровизация общества и человеческих отношений, создание искусственной среды обитания и другие «блага» научно-технического прогресса. Однако не окажется ли человек в плену своих достижений с угасающей человечностью?

Риски очевидны. Чем дальше мы уходим от своих истоков, тем насущнее необходимость не вернуться к ним, что невозможно, а взглянуться и понять, как проходило становление человека и какие факторы играли решающую роль в этом прекрасном восхождении.

Авторы данной книги предлагают читателям вместе с ними всмотреться в далекое прошлое нашего Отечества и осознать, что из этой уникальной, накопленной нашими предками сокровищницы мы возьмем в наше будущее.

Часть I

ЯЗЫЧЕСКАЯ МАТРИЦА

Глава первая

РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКОВ

Выдающийся советский историк Борис Рыбаков (1908–2001) писал о том, что тайна жизни, облика, характерных черт человека сокрыта в язычестве – закономерной и необходимой фазе развития человечества, которую прошли предки всех народов. Не миновали ее и славяне, чье язычество стало частью «огромного общечеловеческого комплекса первобытных воззрений, верований, обрядов, идущих из глубин тысячелетий и послуживших основой всех позднейших мировых религий»¹.

Прислушаемся и к классику русской философии И.А. Ильину (1883–1954), который писал, что «языческий мир имел своих, по времени и удалению еще не видевших Христа, созерцателей, молитвенников и праведников, добродетели которых отнюдь не были «блестящими пророками». Языческие народы совсем не были богоотверженным, духовно-мертвенным и обреченным на гибель множеством, но имели *свою меру откровения*, свою вдохновенную мудрость, свою живую религиозность и добродетель»².

Талантливый мыслитель Б.П. Вышеславцев (1877–1954) полагал, что язычество разбудило в сердце человека голос совести, как важнейшую составляющую оценки себя и своих поступков, ибо совесть есть «звучание подлинной самости»,

1 Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1994. С. 3. О происхождении и расселении славян см.: Денисов Ю.Н. Славяне от Эльбы до Волги. М., 2009; Кузьмин А.Г. Древнерусская цивилизация. М., 2013; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 2016; Седов В.В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2005; Флоря Б. Россия – Украина. История взаимоотношений. М., 1997.

2 Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 13–14.

«самость – божественна»¹. Это был первый опыт религиозного прозрения и осознания собственного «я», открытия собственной живой души, а главное – распознавания добра и зла, выбора между ними.

О религиозном происхождении совести писал и Н.А. Бердяев (1874–1948). «Совість есть воспоминание о Боге... есть орган восприятия религиозного откровения... есть целость духовной природы человека, ее сердцевина или сердце в онтологическом, а не психологическом смысле слова. < .. > Совість есть воспоминание о том, что такое человек, к какому миру он принадлежит по своей идее, кем он сотворен, как он сотворен и для чего сотворен. Совість есть духовное, сверхприродное начало в человеке, и она совсем не социального происхождения. Социального происхождения скорее засорение и искажение совести. Совість и есть та глубина человеческой природы, на которой она неокончательно отпала от Бога, сохранила связь с Божественным миром»².

Понятие человека о божественном мире формировалось в эпоху язычества и стало фундаментом религиозного сознания, во многом определявшим характер, поступки, отношение к себе, к другим людям и окружающему миру в целом. Впрочем, оценки язычества кардинально разнятся и нередко взаимно исключают друг друга.

В этом прежде всего сказалась борьба христианства с язычеством и объявление последнего мраком и дикостью. Бросается в глаза и другая несправедливость: языческая Античность относится к вершинам творчества человека, к уникальной культуре, которая стала фундаментом творческого великолепия Европы, а язычество «варваров», в том числе славян, – к темным векам истории человечества.

Историк А.М. Баженова права, когда пишет, что греческая и римская мифологии изучены едва ли не досконально, а народы большей половины Европы – славяне нередко представляются «как бы пришедшими неизвестно откуда, не имеющими никаких исторических прав, случайным сочетанием этнических групп»³. Между тем, согласно исследованиям Б.А. Рыбакова, праславяне жили на территории Европы 55–45 тысяч лет до н. э.; по другим источникам – 25 тысяч лет до н. э. Поэтому поразительна сохранность на протяжении тысячелетий единого антропологического типа славян – коренных обитателей Европы.

Традиция негативного отношения к славянскому язычеству берет начало в Античности. Римляне считали варварами, жестокими и дикими племенами едва ли не все этнические группы, жившие за пределами империи. Не здесь ли скрываются истоки раскола Европы и острых противоречий между ее западными и восточными ветвями, полупрезрительного отношения к славянству, а позже к собственно русским?

Русофобия – не современное явление. Русофобия имеет глубокие исторические корни и, прежде всего, в духовной области. Западная Европа – наследница Рима с его жадной покорять и властвовать, что стало отличительной чертой европейской цивилизации. Об этом писали многие мыслители – от славянофилов и

1 *Вьшеславцев Б.П.* Сердце в христианской и индийской мистике. Париж, 1929. С. 47.

2 *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М., 2010. С. 270–271.

3 *Баженова А.М.* Легенды и боги древних славян. М., 2013. С. 7.

Достоевского до Франка, Ильина, Федотова и других выдающихся мыслителей XIX–XX веков.

Вместе с тем историки не обошли вниманием язычество, как эру рождения человеческих сообществ. В российской историографии начало положил родоначальник отечественной исторической науки Василий Никитич Татищев (1686–1750). В его фундаментальном труде «История российская с самых древнейших времен» на основе разнообразных источников содержатся ценные сведения о славянских языческих богах, обрядах, почитании природных явлений и др. Вместе с тем Татищев, как человек глубоко верующий, дал язычеству далеко не лестную характеристику: «если не вообразим себе, в каком мерзком зловерии и злосключении до проповеди нам Христовы предки наши пребывали, то не можем так точно о сем великом благоденствии уразуметь; колико бо первое было безумно и вредно, богослужение мерзко, толико другое благостию и пользою душевною и телесною превосходит»¹.

Центральная идея сформулирована предельно ясно – славяне шли от мрака язычества к свету христианства. Она в том или ином виде будет воспроизводиться в трудах ученых на протяжении более двухсот лет.

Оппонентом В.Н. Татищеву выступил русский гений Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1756). Он, во-первых, нашел много общего в язычестве славян с язычеством античных Греции и Рима, показав тем самым, что векторы духовного развития «классического» язычества и славянского, если не совпадали, то имели много общего в мировосприятии. Во-вторых, М.В. Ломоносов высказался по весьма спорному вопросу, который стал предметом разногласий последующих поколений историков – не исключало ли многобожие славян веры в единого бога?

Со всей определенностью Ломоносов в своем замечательном труде «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины Ярослава Первого» писал, что «наши предки» поклонялись и единому Богу – «творцу грома и всего мира». Вслед за летописцем Нестором Ломоносов в качестве «главного бога» выделяет Перуна и отождествляет его с античным Зевсом: «Сей богом грома и молнии почитавшийся Перун был Зевс древних наших предков»². В честь Перуна зажигался «неугасимый огонь». За ним следили жрецы, и если он гас по небрежности, то их предавали смертной казни. Ломоносов называет и других языческих богов – Хорса, Дажьбога (Дажьбога), Стрибога, Мокошь. На втором месте после Перуна, по мнению Ломоносова, стоял скотий бог – Велес. Кроме того, особое внимание Ломоносов уделял таким божествам, как Купала – бог земных плодов и Коляда – праздничный бог.

Ломоносов ценил ту сторону язычества, которая отражала радостное, праздничное мировосприятие, отвечавшее зовам русской души. Язычество серьезно влияло на становление русского национального характера. Об этом, в частности, писал Н.А. Бердяев, отмечавший, что именно язычество сформировало у русских любовь к хоровым песням и хороводам, к праздникам, не чуждым разгулу и

1 Татищев В.Н. История Российская. Соб. соч. В 8 т. Т. 1. М., 1994. С. 97–98.

2 См.: Лысов В.П. Ломоносов в русской историографии 1750–1850 годов. Воронеж, 1983. С. 184.

бесшабашности. «В русской стихии всегда сохранялся и сохраняется донныне дионисический, экстатический элемент. <...> С этим связана огромная сила русской хоровой песни и пляски»¹. Значение хорового начала принадлежит, по мнению Бердяева, с которым нельзя не согласиться, «к духовным чертам русского народа»².

Ломоносов также выделял те современные ему праздники и обряды, в которых сохранилась стихия язычества. Гениальный ученый был уверен – в истории ничто не исчезает бесследно. Плотную ткань истории не в силах порвать ни время, ни войны, ни социальные катаклизмы. Народная память неисчерпаема и бездонна.

В начале XIX века произошло знаковое событие в отечественной историографии – свет увидел уникальный и фундаментальный труд Николая Михайловича Карамзина (1766–1826) «История государства Российского». По образному сравнению Пушкина Карамзин открыл историю России словно Колумб Америку. Как восторженно русское общество восприняло сочинения Н.М. Карамзина, можно судить по словам князя П.А. Вяземского (1792–1878): «Карамзин – наш Кутузов 12-го года; он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас есть Отечество»³. Выдающийся писатель и ученый разбудил в обществе невиданный интерес к родной истории. С глубоким уважением историк отнесся и к верованиям древних славян, не противопоставляя их христианству.

Для Карамзина язычество – важный и самобытный этап духовной жизни прародителей. Разумеется, не обошлось без во многом справедливой критики идолопоклонства, суеверий, жертвоприношений, особенно человеческих, различного рода религиозных заблуждений. Один из важных выводов Карамзина – при всем многобожии славяне поклонялись и главному Богу – творцу Вселенной. Ссылаясь на Прокопия Кесарийского, Карамзин писал, что «Анты и Славяне не верили Судьбе, но думали, что все случаи зависят от Мироправителя... Славяне в самом безрассудном суеверии имели еще понятие о Боге единственном и вышнем... Который печется только о небесном, избрав других, нижних богов, чад Своих, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно *Белым Богом* и не строили ему храмов, воображая, что смертные не могут иметь с Ним сообщения и должны относиться в нуждах своих к богам второстепенным, помогающим всякому, кто добр в мире и мужествен на войне, с удовольствием отворяет хижину для странников и с радушием питает гладных»⁴.

Так зарождались будущие христианские добродетели и расчищалась дорога к вере в Христа и Бога-отца, творца Вселенной. Поэтому противопоставление язычества христианству, по нашему мнению, ошибочно, ибо и в религиозной жизни действует универсальный закон непрерывности и преемственности.

Н.М. Карамзин дал высокую оценку личным качествам славян, подчеркивая их высокую нравственность в семейных отношениях, миролюбие, радушие и гостеприимство. Он особо выделил доблесть славян и их верность своим боевым знаменам. В военное время для славян, подчеркивал Карамзин, знамена были «святое

1 Бердяев Н.А. Русская идея. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 2020. С. 11.

2 Там же. С. 50.

3 Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983. С. 95.

4 Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2018. С. 45–46.

всех идолов»¹. Видимо, с языческих времен идет традиция защищать знамя полка, других воинских частей и соединений до последней капли крови. Многие века русские воины свято чтить ее, а знамя над куполом Рейхстага стало символом нашей Великой Победы.

Карамзин достоин восхищения. Он создал такой труд, который и через 200 лет находит своих читателей. Привлекает яркость и образность литературного языка, фундаментальность источниковой базы, высокий уровень выводов и обобщений. Николай Михайлович основал в российской исторической науке школу государственников, убедительно и достоверно обосновавших ключевую идею исторического развития нашего Отечества – или в России будет сильная государственная власть, или России не будет. Государство дано людям не затем, чтобы превратить их жизнь в рай, а лишь затем, чтобы жизнь не скатилась в ад. Истинность этой формулы, высказанной Вл. Соловьевым, подтверждает вся история России, особенно XX века.

Вернемся к историкам язычества. Во второй половине XIX в. появились труды ученых, специально посвященные язычеству. Они принадлежали перу талантливых во всех отношениях исследователей – А.Н. Афанасьева (1826–1871), А.И. Введенского (1861–1913), А.Н. Веселовского (1838–1906), А.С. Фаминцына (1841–1896)². К произведениям этих авторов мы будем постоянно обращаться в последующих главах, а здесь лишь скажем: если изучение язычества рассматривать как самостоятельную область исторической науки, то вышеназванные историки заложили ее фундамент и определили основные направления исторических исследований – от формирования религиозного сознания язычников до их дара поэтического восприятия природы.

К числу наиболее цитируемых относится книга Е.В. Аничкова (1866–1937) «Язычество и Древняя Русь», написанная в начале XX в.³. Поражает широкий круг источников, привлеченных автором для исследования основных проблем истории язычества. К ним относятся: истоки и смысл многобожия; характеристики язычества православной церковью на заре ее становления; причины и суть «двоеверия», иерархия языческих богов и культов, представления о потустороннем мире и др. С полным основанием можно сказать, что книга Аничкова – энциклопедия истории славянского язычества.

В советское время явственно прослеживается стремление официальной исторической науки принизить значение крещения Руси и утверждения в российской истории православия. Одним из аргументов в пользу «неприятя» христианской религии значительной частью народа выдвигалось «двоеверие», которое характеризовалось едва ли не как тайное «протестантское» движение язычников против христиан⁴.

1 Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2018. С. 49.

2 Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1–3. М., 1994; Введенский А.И. Религиозное сознание язычества. Опыт философской истории естественных религий. М., 2017; Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 2017; Фаминцын А.С. Божества древних славян. М., 2017.

3 См.: Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. М., 2009.

4 Никольский Н.М. История русской церкви. М., 2004.

В 1928–1930 гг. среди советских историков развернулась дискуссия по проблеме перехода от первобытности к классовому обществу. Общепринятой стала точка зрения Б.Д. Грекова (1882–1953), который в своем фундаментальном труде «Киевская Русь» пытался доказать, что восточное славянство перешагнуло стадию рабовладельческого строя и перешло непосредственно к феодальным устоям. Причем родоплеменные отношения, по мнению академика, восточные славяне изжили уже в VII–VIII вв., что знаменовало упадок язычества, которое, хотя и было достаточно развитой религией, но не имело решающего значения для формирования общественного сознания древнерусской народности¹.

Впоследствии концепция Грекова, а также Л.В. Черепнина (1905–1977) о «государственном феодализме» Древней Руси была подвергнута острой критике И.Я. Фрояновым (1936–2021). И.Я. Фроянов утверждал, и на наш взгляд справедливо, что фундаментом Древней Руси был не государственный феодализм, а общинный строй². В этой связи по-иному выглядит и язычество, выражавшее общинную психологию и мировосприятие восточных славян.

Важнейшим источником по истории язычества являются мифы, былины, сказки, во многом раскрывающие особенности внутреннего мира восточных славян, их мировоззрение, надежды и чаяния, идеалы, поэтику языческого отношения к природе и живому миру. В этой связи важной была попытка структуралистского подхода В.В. Иванова (1929–2017) и В.Н. Топорова (1928–2005) к мифологии древних славян³. Ученые исследовали древние мифы славян с позиций лингвистики. Они собрали обширный лингвистический и фольклорный материал и на основе его анализа выработали «теорию основного мифа» – борьбы Громовержца со Змеем (Перуна с Велесом).

Историки и лингвисты отдают должное этой оригинальной концепции, но в качестве недостатков отмечают, что сложно из-за скудости источников прямо утверждать о наличии у древних славян этого доминирующего в их творчестве мифа. Вместе с тем «теория основного мифа» привлекательна самой попыткой реконструкции славянской мифологии на основе обширных косвенных данных, удачных интерпретаций, обобщений и выводов. В этом отношении труд В.В. Иванова и В.Н. Топорова относится к числу фундаментальных исследований советской историографии.

В 1982 г. в издательстве МГУ вышла книга филолога Б.А. Успенского, который исследовал образ святого Николая в народном сознании. Ученый пришел к выводу, что образ св. Николая имеет языческие корни, так как в нем нашло отражение языческое почитание бога Велеса⁴. Работа Б.А. Успенского расширяет наши представления о преемственности духовной жизни славян и язычества как важной предпосылки перехода славян к христианству.

1 Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 2004.

2 Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки отечественной историографии. Л., 1990.

3 Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.

4 Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей: «Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского». М., 1982.

В советское время серьезный вклад в изучение истории язычества внес академик Б.А. Рыбаков. Его фундаментальный труд «Язычество древних славян» относится к классике отечественной историографии¹. Автор привлек огромный источниковый материал – летописи, средневековую православную литературу, обличающую язычников, другие письменные памятники и особенно археологические данные, что позволило ему сконструировать достаточно объемную и красочную картину языческого мира с его культурами, обрядами, многобожием и попыткой доказать, что язычеству свойственен не только пантеизм, но и теизм. Теизм Рыбаков связывал с культом Рода и рожаниц, о котором пойдет речь ниже.

Рыбаков дал периодизацию развития языческих верований. Первая ступень – культ упырей и берегинь, возникший еще в палеолите, в глубинах охотничьих хозяйств. Вторая – культ Рода как божества Вселенной, неба, земли, плодородия. Этот культ земледельцев сформировался в эпоху железного века. Третья – культ Перуна, покровителя князя и его дружины возник в период становления древнерусского государства.

Важнейшим фактором становления и развития языческого миропонимания Рыбаков считал дуализм – первое представление наших пращуров о добре и зле, о противоборстве в мире сил добра и зла, о добрых и злых богах. Действительно, подобное отношение к миру как к полю брани между добром и злом пережило века и стало важнейшей составляющей религиозного мировоззрения практически всех мировых религий. В христианском учении дьявол борется с Богом не только во внешнем мире, но и в сердце каждого человека, стоящего перед выбором служить Христу или Люциферу.

Рыбаков, прослеживая следы язычества в народных праздниках, в семейном быту, различных обрядах, практиковавшихся вплоть до XX в. включительно, говорил о необыкновенной глубине народной памяти, которая сплетает в единый узел прошлую и настоящую народную жизнь. Исключительно важен вывод Бориса Александровича о том, что эволюция религиозных представлений шла не путем слома старых верований новыми, в данном случае христианством, а путем наслаивания, добавления нового к уцелевшему старому². Это процесс не отторжения, а преобразования накопленного опыта духовной жизни.

Говоря об историках советской поры, следует отметить труды признанного знатока древнерусских летописей профессора Аполлона Григорьевича Кузьмина (1928–2004)³. Располагая разносторонними знаниями и талантом исследователя А.Г. Кузьмин объяснил причины кризиса язычества, выявил проявления его упадка в период становления древнерусского государства, когда язычество исчерпало свой духовно-религиозный потенциал развития и обеспечения единства древнеславянских сообществ. Теперь многобожие несло в славянский мир не умиротворение, а

1 Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1994.

2 Там же. С. 95.

3 Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977; Кузьмин А.Г. Падение Перуна: становление христианства на Руси. М., 1988; Кузьмин А.Г. Древнерусская цивилизация. М., 2013.

раздор, и в силу этого должно было уступить лидерство в духовном окормлении славянских племен христианству.

В 1999 г. свет увидела книга М.А. Васильева, в которой тщательно рассматриваются вопросы, связанные с двумя языческими божествами – Хорсом и Симарглом¹. Автор объясняет их включение в славянский пантеон богов взаимодействием с иранскими племенами.

Значимым является труд известного археолога и филолога Л.С. Клейна (1927–2019)². Автор относит Перуна к ряду умирающих и воскресающих божеств, известных в мифологии различных народов. Л.С. Клейн считает Перуна универсальным богом, не только богом войны и княжеской власти, но и богом плодородия, рассматривая Купалу и Ярилу как прозвища Перуна. Главенство Перуна в языческом пантеоне славян обеспечило, по мнению автора, достаточно быстрое восприятие христианства населением Древней Руси. Л.С. Клейн находит в образе св. Николая черты Перуна, тогда как Б.А. Успенский эти черты находит в образе бога Велеса.

Эти разночтения лишний раз свидетельствуют, что попытки реконструкции славянского язычества могут приводить к разным результатам и не являются истинной в последней инстанции. Поле для различного рода размышлений о славянском язычестве по-прежнему просторно и ждет новых исследований.

В конце 1990-х гг. академик Л.В. Милов (1929–2007) опубликовал свой фундаментальный труд «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса»³. На первый взгляд монография не связана напрямую с нашей темой. Однако Л.В. Милов талантливо и на огромном корпусе источников раскрыл суть исторического подвига наших предков по созиданию самобытной российской цивилизации. Именно подвига, так как строить ее приходилось в суровых природно-климатических условиях, где земледельцы веками оставались заложниками природы, которая создавала для них трагическую ситуацию, когда даже при условиях тяжкого, надрывного труда в весенне-летний период они не могли создать практически никаких гарантий хорошего урожая.

Все это, безусловно, отражалось на психологии восточных славян, у которых мера трудозатрат часто не соответствовала ожидаемому результату. Отсюда постоянное обращение за помощью к высшим силам, богам природы, к союзу с ними. Восточнославянское язычество не в последнюю очередь рождалось из надрывного, земледельческого труда в качестве средства психологической защиты, поддержки, утешения и надежды.

Крестьянское восприятие природы – это настороженное отношение к ней, постоянное отслеживание климатических изменений, фиксация различных природных сигналов и индикаторов, предупреждающих о возможных грядущих

1 Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.

2 Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.

3 Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

природно-климатических явлениях, о грозящей опасности благополучию рода, семьи, дома, общины¹.

Накапливалась поистине неисчерпаемая кладовая тысячелетних наблюдений за природой и климатом, знания о сезонных колебаниях погоды, определения благоприятных для посевов и уборки урожая дней, предвидение возможных природных катаклизмов и т. д. Языческое обожествление природы шло рука об руку с ее тщательным изучением. По сути, это была народная, напряженная научно-исследовательская работа с накоплением необходимых фактов, их анализом и обобщениями.

Суровые природно-климатические условия жизни восточных славян делали неизбежным существование общины с ее производственно-социальными функциями, принципами коллективизма, равноправия и справедливости. Крестьянская община на протяжении тысячи лет защищала хозяйство земледельцев от множества неожиданностей, ведущих крестьянскую семью «к разорению, нищете и смерти»².

Важен вывод Л.В. Милова: «В силу различия природно-географических условий на протяжении тысячи лет одно и то же для Западной и Восточной Европы количество труда всегда удовлетворяло не одно и то же количество “естественных потребностей индивида”. В Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность этих самых необходимых потребностей индивида была существенно больше, чем на западе Европы, а условия для их удовлетворения гораздо хуже. Следовательно, меньшим оказывался и тот избыток труда, который мог идти на потребности “других” индивидов, по сравнению массы труда, идущего на потребности “самого себя”. Иначе говоря, все сводится к тому, что объем совокупного прибавочного продукта в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе. Это объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах»³.

Не означает ли это, что стремление построить в России «общество всеобщего потребления» – очередная утопия сродни «строительству коммунизма»?

Историческая наука, как и все гуманитарные отрасли научных знаний, в 1990-е – начале 2000 гг. переживала тяжелые времена и не только из-за скудного, если не сказать жалкого, финансирования, но в значительной мере по причине нездоровой, вернее, больной атмосферы в обществе. В социальной иерархии ученые НИИ и преподаватели вузов оказались на дне, падал престиж науки, интеллектуального труда, подлинной культуры. Страна была буквально повержена рыночными «реформами». Это было время торжества концепции европоцентризма, объявившего европейскую цивилизацию эталоном развития человечества. Россию «записали» в догоняющие Европу и США страны, что вошло даже в школьные учебники.

Во многих статьях и даже книгах той поры содержались некорректные сравнения развития России на различных этапах ее истории с Западной Европой. Вновь

1 Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 588.

2 Там же. С. 566.

3 Там же. С. 572.

завучал призыв «отречься от старого мира», а также согреться в лучах славы Запада. Россию звали вернуться в цивилизованную семью народов, будто она тысячелетия летала неизвестно где, а теперь ищет место для приземления. Не «модно», даже опасно для репутации и перспектив в профессии было писать о самостоятельной российской цивилизации, ее самобытности, духовных ценностях, уникальности исторической судьбы. Самобытность была объявлена «вне закона», а ее «исповедники» ретроgrадами, махровыми консерваторами и т. д. Все это были жалкие потуги малообразованных, лукавых, озлобленных людей навязать обществу заимствованные из неиссякаемой антироссийской «кладовой» Запада взгляды на историю и будущее страны.

Однако вскоре в российском обществе сработал инстинкт самосохранения, и новоявленные «пророки» были развенчаны. Следует помнить, что они не исчезли как тени, а живут среди нас и готовы к реваншу. Православие рассматривается ими как косная сила, сдерживающая «обновление» страны. В качестве альтернативной российской православной цивилизации предлагалось и предлагается неоязычество, как исконно русское мировоззрение, кладезь духовной культуры, которое должно стать фундаментом обновленного национального самосознания граждан, по преимуществу русских, новой России. Так и хочется спросить этих доморощенных «мудрецов»: «Вы это серьезно? Или шутить изволите?» Реанимировать язычество сродни задаче оживить усопшего, но для этого нужен новый Христос, а идеологи и сторонники неоязычества никак не вяжутся с подобной ролью. Выглядит ситуация смешно и горько.

Одной из причин появления неоязычества был тот духовный вакуум, который образовался после развала Советского Союза и краха коммунистической идеологии, что порождало глубокие разочарования в привычном мироощущении, страх перед жизнью и предчувствие новых бед, неудовлетворенности собственным бытием и бытием страны. Искали устойчивости и находили ее в истории, теперь языческой, но интерпретированной не в угоду истине, а политической и иной конъюнктуре.

В этой связи весьма актуальны исследования в русле традиций исторической науки, основанные на фундаменте достижений отечественной историографии язычества, которое, как нам представляется, не нуждается в возрождении, ибо продолжает жить в культуре многонациональной России, в характере ее граждан, в народных обычаях и обрядах, в предрассудках и суевериях.

В 2000-х гг. интерес к восточнославянскому язычеству усилился. Это связано, прежде всего, с тем, что историки стремились показать и раскрыть особенности непрерывности и преемственности развития истории, в том числе и в духовной области. Сегодня язычество не противопоставляется христианству, а, напротив, рассматривается как необходимое условие обретения религиозного опыта, который затем вбирало в себя христианство, что создавало необходимые предпосылки для превращения православия в подлинно народную религию¹.

Тем самым формировались прочные духовные скрепы, стягивающие воедино мировоззрение и мировосприятие прошлых, настоящих и будущих поколений

1 Устименко А.Л. Народная религия Руси: «между» язычеством и православием // Ценности и смыслы. 2017. № 2. С. 33–45.

русских людей. Сила православия заключалась в том, что оно не было идеологической надстройкой, а имело корни в народной толще во многом потому, что не опрокидывало, а охристианизовало языческие традиции, превращало их в составную часть православной культуры.

Продолжилась работа по изучению особенностей восточнославянского язычества, его культов, мифов и легенд. Удачную попытку систематизации языческих верований и их роли в формировании мировоззрения древних славян предприняла А.М. Баженова¹. Роли традиций русской древности в становлении российского общественного сознания посвящена талантливая статья С.Н. Алехиной². Автор убедительно и емко раскрыла влияние язычества на формирование духовных ценностей русского народа, которые тот свято хранит вплоть до наших дней. Древняя «славянская религия неразрывно соединялась с повседневной жизнью и наполняла ее привычной, естественной святостью»³.

Для восточнославянских язычников святыней являлся дом, который понимался как мир, наполненный духом предков, как средоточие любви, заботы о детях, о пожилых родителях и т. д. Языческое восприятие семьи как главной ценности жизни человека на века укоренилось в общественном сознании россиян разных исторических эпох⁴.

К сожалению, понятие святости семьи сегодня не просто утрачивается, а низвергается и извращается, что ведет к деградации человеческих сообществ, раскрывает «просторы» аморальности, безнравственности и утраты собственно человечности, не говоря уже о человеке как образе и подобии Божьем. Горящий Нотр-Дам – не просто пожар по чьей-то небрежности, но символ расхристианизации Европы, ее деградации под влиянием постмодернизма, уродующего общественное сознание.

Исключительно важной представляется проблема формирования верховной власти у восточных славян в догосударственный период эволюции их сообществ. Интересными, во многом новаторскими являются работы И.В. Лисюченко, посвященные данной теме⁵. Автор показывает процесс эволюции княжеской власти от ее зарождения в славянских больших семьях и общине до воплощения во власти киевского князя. Такой подход перспективен в плане выявления исторических корней самодержавия как объективной необходимости стабильного развития России, а не злой воли господствующих классов навязать стране «диктаторский» режим.

Автор ставит вопрос, кто же такой князь – представитель народа, иноземец из Скандинавии, слабо связанный с местной средой, глава завоевателей-колонистов или глава феодализирующейся знати? Другими словами, княжеская власть навязана славянам извне или является следствием распада родоплеменных отношений и

1 Баженова А.М. Легенды и боги древних славян. М., 2013.

2 Алехина С.Н. Роль традиций русской древности в формировании российского общественного сознания // Социальная политика и социология. 2009. № 3. С. 258–270.

3 Там же. С. 260.

4 Омельячук С.В. Пережитки язычества в древнерусской семье // Сборники конференций НИЦ Социосфера. Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. 2011. № 42. С. 178–187.

5 См. напр.: Лисюченко И.В. Миф, ритуал и власть у восточных славян. М., 2009.

закономерным итогом движения восточного славянства к собственной государственности? На эти и другие вопросы автор дает аргументированные ответы, с которыми мы познакомим читателей в соответствующих главах книги.

Важно глубже осмыслить роль язычества в мировой и отечественной культуре, осознать, какой старт был дан язычеством в формировании внутреннего мира человека, обретения им нетленных ценностей и смыслов жизни. Воссоединяться следует не с язычеством, а с благоговейным отношением наших пращуров к природе, ко всему живому, к памяти предков и восприятию мира как целостного, одухотворенного, наполненного смыслами живого организма. Нам есть чему поучиться у язычников. Так постараемся извлечь из духовной истории актуальные для нас уроки.

Историография язычества многопланова и объемна. Свой вклад в осмысление сущности религиозных верований наших предков внесли представители нескольких поколений ученых-гуманитариев разных научных специальностей и направлений – историки, археологи, филологи, лингвисты, этнографы. Эта тема неисчерпаема и ждет новых исследований на фундаменте достигнутых успехов. Накопленные знания нуждаются в дополнительном анализе и обобщении колоссального труда отечественных ученых. Этому в значительной мере посвящена и данная книга.

Глава вторая

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Сторонники теории эволюции утверждают, что человек выделился из животного мира с тех пор, когда приступил к изготовлению орудий труда и начал с их помощью преобразовывать свою жизнь, постепенно достигая позитивных результатов в хозяйственной деятельности, в оружейном деле, благоустройстве жилища и т. д. Человек совершенствовал орудия труда и вместе с ними себя и свою жизнь. Отсюда и периодизация древней истории фактически сводится к изменению материалов для изготовления орудий труда: каменный век, палеолит, мезолит и неолит, затем бронзовый век и, наконец, железный век, как вершина возможностей по изготовлению более совершенных и разнообразных по сравнению с предыдущими инструментов труда.

Эта общепризнанная концепция сугубо материалистическая и утилитарная. Единственным смыслом жизни человека является материальное производство и приобретение на его основе все большего числа различного рода благ. Тем самым цель и смысл человеческой жизни суживаются до предела, словно человек с древности мечтал и шел к обществу потребления и, наконец, достиг заветных берегов. Что же дальше? Тупик...

Разумеется, инстинкт самосохранения заставлял древнего человека в поте лица добывать хлеб насущный, дабы не умереть с голоду. Но тот же инстинкт подсказывал ему, что «не хлебом единым жив человек». Древний человекоподобный пращур превращался в человека, когда в его сознании встретились реальность окружающего мира и реальность просыпающейся души с ее потребностью в Боге. В язычестве эти две реальности сплелись в тугую узел – реальность мира стала восприниматься как реальность действующих божественных сил, реальность бытия

Бога. Не случайно языческие религии называют естественными, так как они являются плодом духовного творчества человека, а не привнесены извне, как, например, христианство через Слово Христа – посланника Бога-отца Вседержителя.

Крупнейший специалист в области исследования и развития религиозного сознания язычников профессор А.И. Введенский под естественной религией предложил понимать «то, что человек вырабатывает самостоятельно, своим собственным умом, что является делом его свободной воли, что ставится им как продукт его творческого чувства»¹. Религия рождается как запрос и стремление души человека, для которого обретение святынь столь же значимо, как удовлетворение насущных, необходимых для жизни потребностей.

Наши праотцы, обретая религиозное сознание переставали быть высоко-развитыми животными, открывавшими через орудия труда новые возможности выживания в дикой природе. Наши пращуры поднимались на недоступную для всех других представителей животного мира высоту. При этом как зарождение жизни на Земле во многом является тайной, так и обращение человека к Богу – тайна. Одно бесспорно, что человек перестает быть животным, обретая религиозное сознание. По словам немецкого философа Шеллинга, человек есть не что иное, как сознание Бога, «человек не вне Бога, но в Боге, и что сама его деятельность есть один из элементов жизни Бога»².

В стремлении к Богу воплощается тяга к самопознанию и поиск ответа на вопрос: «Кто я и зачем я?» На этот вопрос человек веками искал и ищет до сих пор ответ. Значит, религиозное сознание тесно связано с первыми попытками познать мир и себя в нем. Это сознание формировалось тягой к собственно познанию мира и являлось его универсальным инструментом. Не случайно в христианском мире столетиями главными центрами науки, образования и культуры были монастыри, в том числе и на Руси.

Вера – это путь к себе, не в заоблачные дали, а к сущностным потребностям души, к своему самому сокровенному. Языческая религия рождалась строем жизни древних людей, ее обыденностью, задачами хозяйственной деятельности, семейными и родовыми порядками. Об этом писал А.И. Введенский, что человек «формирует свои религиозные “убеждения” согласно со своей привычной жизнью... религиозная вера есть чувство согласия наших религиозных представлений с общим строем нашей жизни, вследствие чего каков человек, таков и его Бог, такова и его вера»³.

Таким образом, отличительной чертой язычества была его тесная связь с жизнью того или иного сообщества людей и «обслуживание» их конкретных интересов, особенно в хозяйственной деятельности. У язычников сложились чувства живого мистического общения со своими божествами, ощущения их невидимой реальности. Языческое многобожие обуславливалось родом занятий тех или иных

1 Введенский А.И. Религиозное сознание язычества. Опыт философской истории естественных религий. М., 2017. С. 12.

2 Шеллинг Ф. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах. Бруно, или о божественном и естественном начале вещей. М., 2009. С. 10.

3 Введенский А.И. Религиозное сознание язычества. Опыт философской истории естественных религий. М., 2017. С. 75.

сообществ людей, особенностями родовой и племенной жизни, ментальностью многоликой родоплеменной Руси, а также природно-климатическими факторами.

Язычество поистине народная религия, а не удел «избранных» и «званных». Все поклонялись своим богам, ибо язычество олицетворяло собой сущностные черты образа жизни, трудовой деятельности и межличностных коммуникаций. Язычество – своеобразная среда обитания древнего человека. В ней сплетались в нераздельное единство земное и небесное, материальное и идеальное. Человечество, утратив подобную целостность мировосприятия, навсегда попрощалось с сокровищем, собранным и сбереженным нашими предками, разменяло его на медные гроши мнимых ценностей прагматизма, утилитаризма и рационализма, обрекая себя на рабство собственных страстей, вожделений и пороков.

В основе языческого мировоззрения лежат глубокие переживания человека. Язычество – мир его чувств: страха, беспомощности, зависимости и одновременно благоговения, благодарности, восторга перед обожествленной человеком природой. Обожествляя природу, человек чувствовал себя частью великого целого, огромного, таинственного, всеильного, то доброго, то злого мира. Видимо, отсюда проистекает такая черта славянского, особенно русского, характера, как смирение, отсутствие гордыни и склонность к самоуничижению.

Духовные качества человека на редкость устойчивы, во многом не подвластны времени. Меняются материальные условия жизни, политические системы, терпят крах государства и империи, но душа человека в главном и сокровенном по-прежнему, как столетия назад, ищет идеала, веры, истины, осознания собственного бытия и своего места в мире. Проходят века, чередуются эпохи, но в человеческой душе живут те же страсти: любви и ненависти, алчности и бескорыстия, правды и лукавства, героизма и трусости, прощения и мести. Начало формированию устойчивого чувственного мира человека положило именно язычество.

В религиозном сознании язычника переплетались различные чувства: страх и трепет перед величием и могуществом обожествленной им природы с одновременной благодарностью к ней, восторженностью и умилением ее красотой. Религиозное сознание – источник эмоционального богатства человека, многоцветья ощущений, восприятий и т. д. Это была первая школа приобретения и воспитания чувств, формирования внутреннего мира человека. Причем, как считает А.И. Введенский, религиозная вера может быть мертвой, бесплодной, лишенной ценности, и живой, деятельной, направленной, бесконечно ценной. По словам Введенского, «человек свободен переместить центр своей жизни, придать ей направление религиозное или внерелигиозное и даже, наконец, антирелигиозное»¹.

Важен строй духовной жизни – навыки, интересы, желания, тон эмоций. Язычник приземлял религию до себя, и вопросы веры решались исключительно через сложившийся характер человека, так как язычники строили религию для себя и под себя. Религия является исключительно плодом их творчества, как индивидуального, так и коллективного. Как будет показано далее, у язычников

1 Введенский А.И. Религиозное сознание язычества. Опыт философской истории естественных религий. М., 2017. С. 79.

формировались первые представления об аде и рае, и потому их искренняя вера в своих богов во многом была деятельная, что не исключало веры мертвой по традиции, формальном участии в обрядах и т. д. Последнее было связано с тем, что для язычества характерна безотчетно инстинктивная связь человека со смутно мыслимым божеством, безотчетное стремление человека воплотить свою беззащитность перед стихиями природы с помощью еще неосознанной связи с высшими силами.

Это стремление сохранить и обезопасить себя, стремление глубоко неосознанное. Это тяга к гармонии отношений с высшими силами и желание установить добрые отношения с ними доступными человеку средствами – культами, обрядами, жертвоприношениями. Человек стремился согласовать свои религиозные взгляды сообразно с жизнью, своими потребностями, целями и задачами деятельности, действуя по принципу «подобное достигается подобным».

Формировалось образное мышление как специфическая форма отражения в сознании реальности, когда осмысление окружающего происходит на уровне эмоционального восприятия и связанных с ним переживаний. Богаче становится мир чувств, образов, фантазий, воображения, что нашло отражение в языческих мифах. В них конструировался воображаемый мир – невидимый, неосязаемый, но существующий. Развивалось воображение, как способность оперировать художественными образами.

Язычник пытался увидеть себе подобное через мифы, которые помогали ему на место смутной религиозной идеи поставить конкретный, узнаваемый образ. Этим объясняется разнообразие языческих мифов, ставших неотъемлемой частью язычества. Миф – первая попытка философского обобщения человеком своих представлений о мире, передачи опыта восприятия жизни через образы, фантазию, мистику.

Мифы – это религиозно-художественное творчество наших предков. Это воплощение религиозной идеи в узнаваемых образах и лицах, которые воспринимаются не абстрактно, а вполне реально. В мифах рельефно проявляется субъективно-личностный элемент, свидетельствующий о высоком творческом потенциале язычников. Общепризнано, что мифы относятся к высокому, если не к высочайшему уровню творчества, которое рождалось из религиозного сознания. Религиозное сознание обладает действенной силой, побуждающей к художественному восприятию мира и воплощению его в узнаваемых образах.

Человек переносил на богов те свойства, которые были ближе и сродни ему самому, и те, которые он хотел бы чтить. Все это воплощалось в мифологии и разнообразных культах. Не случайно, а символично, что в основе понятия «культура» лежит слово «культ», посланное нам предками из глубины веков. Культу поклоняются. Следовательно, и культура должна быть объектом поклонения и служить не низменному, пошлому, безнравственному, а поднимать человека на высоту духа, достойного его предназначения в мире.

Мифы, как и произведения выдающихся писателей и поэтов, знакомят нас с обобщенными типами и образами людей (героев), их поступками, с добрыми и злыми качествами характера. Подлинно одаренный художник, писатель, историк, философ воспроизводит в своем творчестве такие типы людей, героев и

антигероев, которые отражают эпоху, то сущностное и сокровенное, что есть в человеке и в среде его обитания.

Появляются общечеловеческие типы художественных персонажей, в которых каждый, в том числе наш современник, найдет сходство. Таковы персонажи произведений Шекспира, Пушкина, Достоевского, Толстого и других близких им по уровню таланта писателей и поэтов. Их объединяет общечеловеческая значимость творчества, что обеспечивает нетленность произведений, востребованность во все времена и у всех народов.

Подобную общечеловеческую значимость имеют языческие мифы – подлинное сокровище мировой культуры. В мифах отражается борьба человека с невидимыми мистическими силами. Что они существуют, с очевидностью человеку с просыпающимся сознанием доказывают смена времен года, день и ночь, свет и тьма, бури и грозы, пожары, наводнения и др. Бессилие перед неведомыми стихиями и осознание этого бессилия вселяют вначале страх и ужас, а затем побуждают к поиску средств «защиты», которые находят в почитании, освящении и задабривании неведомого и всесильного.

Так рождалось религиозное отношение к миру, которое выплеснулось в языческих мифах, где добро борется со злом, где темным, враждебным человеку силам противостоят светлые божества, покровители человека и др. В древнюю эпоху главным и судьбоносным для человека была борьба за выживание. Одной из главных сил этой борьбы стала языческая религия, вселявшая надежды на благополучное разрешение судьбоносных проблем, выход из бед и несчастий.

Религия стала той духовно-психологической силой, которая вселяла надежду и уверенность, что борьба человека за жизнь не безнадежна, ей будет сопутствовать успех и достижение поставленных целей. Религия, даже в самых трагичных ситуациях, не давала человеку опускать руки, впадать в отчаяние, ибо человек знал, что у него есть союзники – боги. Вера в их силу и была якорем спасения в бушующем море природных стихий. Одиночество обрекало на гибель. Поэтому человек изначально был существом социальным, искавшим сообщества себе подобных. Религия освящала социальные связи и отношения, цементировала их общей верой.

Религия выполняет важнейшую функцию – подчинения присущего человеку эгоизма сверхличному, общему, высокому, священному началу. Складывается духовный союз людей – самый крепкий и долговечный из всех человеческих союзов. Поэтому все социальные организации прошлого и во многом настоящего имеют под собой религиозную основу. Через общую веру формировались такие черты характера восточных славян, как взаимная преданность друг другу и стремление к единству, воплощавшемуся не только в кровнородственных отношениях, но более широком понимании единения как духовного единства, спаянного общей верой.

Религия, в том числе языческая, как исконно народная, сыграла выдающуюся роль в формировании народностей, а затем наций, вдохнув в них душу, которая представляла собой синтез прошлого духовного наследия предков, таких черт национального характера, которые постоянны, устойчивы и особенны по духовно-интеллектуальному складу, мироощущениям и мировосприятию. Душа нации, а

она безусловно есть¹, невидима. Она видима в своих проявлениях, например, у русских она выражается в том числе в стремлении к всемирному братству².

Индивидуальная жизнь человека коротка, но ее относительная «бесконечность» тесно связана с жизнью нации. Народность «есть воплощение внутренне связного и жизнестойкого идеального типа в едином народе, проявляющееся в общности его основного миропонимания, характера, верований, языка – до мельчайших этнических подробностей включительно»³. Эта духовная и социальная среда в совокупности с историческими традициями формирует соответствующие этнические типы.

Национальным типам свойственна общая манера чувствовать, мыслить и желать. Всякая нация в силу ее исторической судьбы и традиций обладает своим, только ей присущим сознанием и волей. Причем существует довольно строгая связь между религиозной верой и различными проявлениями национальной души.

Религия формировала у индивидов общность чувств, мыслей и деланий, что ставило психологические барьеры к разобщенности, стремление к которой присутствовало в характере людей и отдельных социальных групп. Безусловно, одной из главных духовных скреп нации является общность языка, который аккумулировал огромный исторический опыт предшествующих поколений и является мостом от прошлого к настоящему, а затем к будущему.

Национальный язык тех или иных народов рождался в языческую эпоху. Видимо, не случайно понятие язычества тесно связано со словом «язык». Так, славянская мифология неразрывно связана с развитием языка – чем он богаче, образнее, эмоциональнее, тем разнообразнее и ярче содержание мифов, формы воплощения творческих замыслов. Исключительно важно, что язычники в слове, обращенном к богу, видели могучую силу и относились к нему бережно и с благоговением. Рождались поэзия, песни, хороводы и т. д. В слове видели чудодейственную силу и ценили добрые слова и пожелания. Понятие «благословение» подразумевает благое слово, а в приветствии «здравствуйте» – пожелание здоровья.

Глубина отношения к слову идет от языческих времен. Злое слово, даже сказанное в сердцах, без умысла, по-народному поверью не останется без последствий. Тем более откровенно злые слова, пожелания, проклятия влекут за собой болезни и даже гибель. Недаром и в наши времена утверждается, что словом можно убить. Вера в чудодейственную силу слова возникла в язычестве. Слову приписывали особую магию. Даже неискренне сказанная, с завистью, похвала может нанести вред. И сегодня матери избегают похвал детей чужими людьми – «не хвали – глазишь».

Все имеет добрый или злой смысл, взгляд, жест, мимика и особенно слово. На могущество слова опиралась и древняя присяга, так как она призывала на голову

1 См. например: Бердяев Н.А. Душа России. М., 2016; Ильин И.А. Поющее сердце: книга тихих созерцаний. М., 2019; Ильин И.А. Путь духовного обновления. М., 2019; Федотов Г.П. Стихи духовные: русская народная вера по духовным стихам. М., 1991; Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992.

2 См. подробнее: Киселев А.Ф. У всякого народа есть родина, но только у нас – Россия. М., 2019.

3 Введенский А.И. Религиозное сознание язычества. Опыт философской истории естественных религий. М., 2017. С. 131.

отступника различные беды и несчастья. В договоре князя Игоря с византийцами есть слова, что те, кто нарушит договор, «да посечены будут мечами своими, от стрел и от иного оружия, и да будут рабами в весь век и в будущий»¹.

Язычники свято верили, что «вещее слово может распоряжаться нечистой силою, умножать стада, управлять битвами, возбуждать любовь или ненависть, исцелять от болезней и насылать недуги – поветрие»². Отсюда огромное число заговоров, заклинаний, магических обрядов. У всех этих религиозных действий в основе лежало слово, с глубокой и искренней верой язычников в его волшебную силу. И сегодня часто говорят: «во что веришь, то и сбывается», «не сори словами», «слово не воробей – вылетит не поймаешь» и др. Сегодня очевидно, что нам не хватает благоговейного отношения к слову, а в нем сосредоточено тысячелетнее восхождение человека к познанию мира.

Следует помнить, что долговечность нации зависит от того, насколько она верна самой себе, насколько осознает и способна защищать свои национальные интересы, собственную самобытность и взгляды на суть и смысл Богом вдохновенного бытия, ибо нация, прежде всего, – духовный союз тех, кто составляет собственно нацию.

Теперь поразмышляем о «дикости» язычников. Представим, что на живописное лесное озеро приходит «дикарь-язычник». Что он делает перед тем, как, например, ловить рыбу? Молится, просит разрешения, ибо язычники поклонялись озерам, рекам, рощам. Для них они были святынями. Через тысячелетия на автомобиле отдохнуть на то же озеро приезжает наш современник. Что он оставляет после отдыха – хлам, пустые бутылки, остатки еды и т. д. Причем такое поведение не исключение, а нередко правило. Так кто же дикарь? Тот, кто видит в природе святыню, или тот, кто относится к ней буквально по-варварски.

Россия – речная цивилизация. Однако мы так поклонялись ей, что матушка-Волга зацвела и обмелела, сотни малых речек канули в небытие, те, которые выжили, нередко превращаются в резервуары для бытовых и производственных отходов, наносящих непоправимый вред священным для «диких» людей водам.

Не правы те, кто рисует жизнь древних сообществ в неприглядном виде. Они – «дикие» только с точки зрения современных представлений о жизни, а эти штампы не годятся для характеристики древних цивилизаций. Язычество, безусловно, относится к числу самобытных цивилизаций. Более того, ряд ученых утверждает, что у язычников было «райское» мировосприятие и довольство собственной жизнью, что стало редкостью в современных цивилизованных странах.

Первобытный человек в силу изначально коллективной формы жизни не знал переживаний и пороков индивидуального «я». Язычники воспринимали себя исключительно частью коллективно-группового «мы», с врожденными чувствами единства с родом. Связь с родом вселяла веру в бессмертие, уверенность, что Род никогда не исчезнет, значит не исчезну и «я».

1 См.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. Т. 1. М., 1994. С. 431.

2 Там же. С. 425.

Именно эта психическая особенность древних людей служила источником душевного комфорта и счастливого самоощущения. Тесные связи с природой, родом и племенем, с религией давали язычнику ощущения уверенности, связанной также с тем, что он не будет страдать от одиночества, ибо он чувствует свою нераздельность с окружающим миром, а этот мир, отмечал А.Ф. Лосев (1893–1988), воспринимался как море чудес, в котором нет ни начал, ни концов¹.

Язычник весь в эмоциях – кругом чудеса, что придает жизни особый колорит восхищения и безмятежности. Так кто же более счастлив? Мы с забытыми стрессами, страхами, тревогами, в том числе опасениями одинокой старости, негативными эмоциями и чувствами или безмятежно любующийся и восхищающийся родом и природой язычник? Прислушаемся к словам А.И. Введенского: «...ибо прогрессивное человечество, быть может, еще дальше от действительного счастья, чем некультурное человечество былых времен»².

Древний человек испытывал неведомый сознанию современных людей душевный комфорт от проживания в вечном мире и от убежденности в собственной вечности. У него нет сомнений, страха смерти, отчаяния, вины, стыда, одиночества и т. д. Счастье – сугубо личное восприятие жизни и себя в ней. Язычники с их поклонением природе чувствовали себя частью огромного, таинственного, всесильного, то злого, то доброго мира. Эта приобщенность к великому и вечному обеспечивала спокойное и умиротворенное самоощущение души. Недаром такой самобытный русский мыслитель, как Ф.А. Степун (1884–1965), говорил, что на природе он чувствует себя, как ребенок в колыбели, которую качает вечность.

Счастье, как и внутренняя вера, есть чувство «согласия нашей жизни с жизнью Абсолютного или иначе – чувство живого мистического общения с ним»³. Язычники, в отличие от нас, этим чувством располагали и стремились установить добрые отношения с высшими силами природы доступными средствами – через религиозные культы, обряды, праздники и др.

Современные ученые считают, что древний период истории, а он по длительности в тысячи раз превышает цивилизационный, оставил в нашей генетической памяти миф о рае, в котором пребывали наши далекие предки. Память о нем человек пронес через всю свою историю и с ней никогда не расстанется. Рай – коллективная память о «счастлимом детстве» человечества. Разумеется, это миф, но миф, зовущий внимательно всмотреться в нашу жизнь и в самих себя.

Глава пятая ЯЗЫЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Языческое наследие многомерно и многопланово. Оно выражает и отражает глубину народной памяти, впитавшей в себя опыт тысячелетий борьбы человека за

1 Лосев А.Ф. Знак, символ, миф. М., 1982. С. 256.

2 Введенский А.И. Религиозное сознание язычества. Опыт философской истории естественных религий. М., 2017. С. 63.

3 Там же. С. 75.

выживание в тяжелых природно-климатических условиях и выдающийся подвиг наших предков, построивших уникальную и самобытную цивилизацию, где все достижения доставались потом и кровью, огромными трудозатратами, негибкой волей и самоотверженностью. При этом наши предки шаг за шагом восходили к подлинной человечности с одухотворенной культурой, ярким, сочным, эмоционально-насыщенным языком, ценностями человеческих взаимоотношений, общих взглядов на мир, жизнь, род, семью, а впоследствии и Родину.

Будущая соборность, как фундамент жизни православных христиан, рождалась в глубине языческих мировоззрений. Язычество стало платформой духовной культуры дохристианской Руси. Несмотря на различия в культах и обрядах семей, общин и племен, сложились общие сущностные черты славянского язычества – обожествление природы, освящение труда и неизбежность коллективного образа жизни. Практически все главные языческие культы и обряды были связаны с земледельческими сезонами и сельскохозяйственными работами, обращениями к высшим силам с просьбами благословить труд, чтобы он не оказался тщетным. Это была своеобразная поэтика труда, облеченная в форму народного обряда.

Крупнейший филолог и историк А.Н. Веселовский писал, что поэзия изначально складывалась на коллективных началах – через хоровые песни, сопровождавшиеся ритуальными танцами с выразительной мимикой. Тон обряду задавал музыкальный ритм, а слово играло вспомогательную роль¹. Наши предки практически в художественной форме выражали свои просьбы, потребности и чаяния, адресованные к богам. Это была своеобразная символика трудовой и коллективной жизни, выражение «коллективной эмоциональности». Затем из хора выделилась лирико-эпическая песня, посвященная легендарным преданиям и реальным событиям в жизни родов, семей и племен.

Поэзия – родная дочь обрядовых, культовых и хоровых песен, когда выраженные в них желания и просьбы все больше облекались в поэтическую форму. Драма, как полагал А.Н. Веселовский, также родом из коллективных магических плясок и связанной с ними мимики. Веселовский различает понятия обряда и культа. Последний предполагает определенные представления о богах и мире. Это своего рода философский взгляд на бытие и место человека в нем. Со временем культ «переходил в ведение профессиональных людей, жрецов»².

Обряд – сфера религиозных действий семьи и рода, базирующихся на традициях передачи религиозного и иного опыта от поколения к поколению. В силу этого обрядовая сторона язычества оказалась удивительно жизнестойкой и во многом дошла до наших дней. Именно обряд непосредственно связан с насущными нуждами человека, стойко привязан к его труду, к циклам сельскохозяйственных работ.

Веселовский писал о том, что драма – это продукт очеловечивания язычниками мира, где на первый план выходят вопросы «нравственного порядка, внутренней борьбы и ответственности... и постепенно наряду с массовым, исключительно

1 Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 2017. С. 30.

2 Там же. С. 31.

коллективным творчеством выкристаллизовывается самосознание личного творчества»¹.

Мифологические представления о родстве человеческой души с природными стихиями привели к созданию разнообразных сказаний, повествующих о переселении душ в различных животных, в деревья или цветы. А. Афанасьев писал: «Эпические сказания славянских племен обильны преданиями о мифических быках и коровах. Наряду с золотогривыми-золотохвостыми конями фантазия создала тура – золотые рога и золоторогих, золотохвостых коров с частыми звездами по бокам. Особенно интересна сказка о вещи корове-буренушке... подобно тому, как сказочные герои входят в голову своего богатырского коня, так здесь гонимая мачехой падчерица влезает в одно ушко коровы... и выходит из другого ненаглядной красавицей, досыта накормленной и напоенной»². Эти персонажи из мира животных разговаривают и осознанно, словно люди, действуют.

Яркие события истории первобытных сообществ, боевые подвиги сородичей и соплеменников вызвали к жизни эпос. В нем поэтический образ героев создавался «согласно с громадностью и могуществом естественных явлений и надолго удерживал за собой их существенные признаки»³. Впервые появляется идея служения семье, роду, племени, которая впоследствии стала доминировать среди духовных ценностей Руси, а затем России. Зарождались чувства общности, спаянной историей, примерами героизма предков, что положило начало формированию народного самосознания как осознанного и необходимого единства родоплеменного сообщества людей.

Национальное самосознание не просыпается без потребности в единстве, осознания родовых корней, общности интересов и традиций совместного труда и защиты независимости рода. Стойкие ощущения единства и общности с соплеменниками не мешали, а, напротив, ускоряли процесс выделения личностей в древнем обществе, с чувствами ответственности за судьбу своего рода. Именно ответственность за настоящее и будущее своих родичей и соплеменников формировала личностные качества и готовила лидеров из тех или иных представителей древних сообществ, которые не противопоставляли себя коллективным интересам, не конфликтовали с ними, а, напротив, наиболее ярко их выражали и защищали.

Древнее, по сути народное искусство было плодом коллективного творчества, индивидуальное рождалось в коллективном, потому индивидуальное вторично. Коллективное начало можно назвать без преувеличений материнским лоном культуры. Поэтому заблуждаются те, кто абсолютизирует личностное начало в развитии культуры. Безусловно, личностное начало – локомотив прогресса в этой области, но в движение его приводит сила традиций духовных ценностей, особенностей ментальности народа.

1 *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М., 2017. С. 31.

2 *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1–3. М., 1994. Т. 1. С. 673.

3 *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1–3. М., 1994. Т. 2. С. 45.

Гениальные прозрения и шедевры не падают с небес, а вырастают на родной почве, возвращаются родной культурой, которая, без сомнения, является плодом многовекового коллективного творчества наших предков. Это глубоко понимали А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и другие титаны отечественной культуры. Мировую славу им обеспечила удивительная русскость, ее выражение в слове, в глубоком осознании своих исторических корней и причастности к судьбе своего народа.

Оторванные от родной почвы «творцы» сродни тополиному пуху, который прилетает летом, вызывает аллергию, а затем бесследно исчезает. Подобных «раздражителей», «революционеров духа» без роду и племени история культуры и особенно наша современность знает множество. Рождение и развитие языческой культуры – яркое свидетельство того, что ее подлинным творцом является народ, а созданная им культура – питательная почва для возвращения подлинных талантов, которые выражают то, что действительно ценно и важно для души, выражают надежды и чаяния народа.

Языческая культура – фундамент древнерусской, а затем российской цивилизации. Удивляет ее многовековая глубина и то, что, несмотря на все изломы и разрывы истории, сохранилась преемственность, прочная связь прошлых и настоящих достижений. Далеко не каждый народ располагает подобной плотной и исключительно крепкой тканью, ткавшей свою культуру тысячелетиями. Это в конечном счете обеспечило уникальную, а главное, жизнеспособную самобытность российской цивилизации, что раздражает наших западных соседей, вызывает зависть к ее стойкости и жизненной силе.

С.Л. Франк писал: «История есть великий драматический процесс воплощения, развертывания во времени и во внешней среде духовной жизни человечества, выступления наружу и формирующего действия сверхчеловеческих сил и начал, лежащих в глубине человеческого существа»¹. Первыми положительно ответили на вопрос о реальности сверхчеловеческих сил именно язычники. У восточнославянского язычества была своя «духовная природа», отличная от западноевропейской, что впоследствии стало одной из главных причин противоречий между Востоком и Западом. Корни противоречий кроются в духовной области.

В исторической науке господствуют представления об изменчивости всех исторических процессов и явлений. В истории нет ничего неизменного, «все течет – все изменяется», это древний постулат диалектики. Однако есть ли в истории постоянное связующее звено между прошлым, настоящим и будущим? Если его нет, то история бессильна помочь осознать настоящее. Однако это не так. На наш взгляд, глубоко прав Франк, когда утверждает, что смысл истории заключается не в смене разнородных эпох, восходящих к какой-то цели, а в том, что в истории воплощается сверхвременное единство духовной жизни человеческих сообществ.

Основы такого сверхвременного единства прошлых и будущих поколений русских людей заложило язычество. И в этом отношении значение язычества трудно переоценить. Духовная матрица будущей российской цивилизации отливалась и

1 Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 74.

чеканилась в глубине тысячелетий и навсегда запечатлена в народной памяти с поразительной глубиной.

В языческую эпоху сложился архетип человека как накопление определенных устойчивых черт характера, оказывающих влияние на мировоззрение и действия человека на протяжении длительных исторических периодов. Академик Ю.В. Бромлей (1921–1990) и известный историк Л.Н. Гумилев (1912–1992) считали, что этносы – это архетипы, своего рода коллективные тела, сформировавшиеся еще в позднем палеолите. Л.Н. Гумилев полагал, что этносы являются социобиологической общностью. Как все живое, этносы рождаются и умирают¹. Их жизненный цикл примерно равен полутора тысячам лет. Ю.В. Бромлей относил архетипы к социально-культурной общности, на которой построено человечество. У них свой долгий путь в истории, в ходе которого «они могут сливаться, делиться, один этнос может ассимилироваться в другой, исчезать и растворяться в другом»².

Этносы (архетипы) проходят определенные стадии развития, и высшей из них является образование наций. Подобная концепция находит свое подтверждение в истории восточного славянства. Стадия язычества – важнейший этап в обретении архетипами духовно-культурных ценностей, на основе которых строилась будущая национальная идентичность различных славянских народов, в том числе русского.

Формировался народный характер, необычайно устойчивый и во многом постоянный, несмотря на все превратности, беды и испытания исторической судьбы. Талантливый мыслитель Борис Вышеславцев полагал, что черты характера русского человека явственно проступают в народных сказках, которые показывают ясно, «чего русский народ боится: он боится бедности, еще более боится труда, но всего более боится “горя”, которое привязывается к нему»³.

Показательна в этом отношении сказка «Горе-злосчастье», в которой к мужику в спутники жизни навязалось «горе»; и от него он никак не мог отвязаться. Действительно, горя с избытком выпало на долю русского человека. Однако более всего суть характера человека проявляется не в страхах, а в мечтах, которые воплощаются в народных сказках. Сказочный фонд восточных славян, а затем Руси поистине необъятен. В него «в свое время влились и древние мифы, и первичный героический эпос, превратившийся в богатырскую волшебную сказку»⁴.

Б. Вышеславцев полагал, что к главной мечте русских относится: «Прежде всего – это искание “нового царства и лучшего места”, постоянное стремление куда-то “за тридевять земель”. <...> Это есть мечта о таком “новом царстве”, где распределение будет построено на принципе “каждому по его потребностям”»⁵.

1 См. напр.: Гумилев Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории. М., 2017. С. 9–16.

2 Тишков В.А. Национальная идентичность и духовно-культурные ценности русского народа // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (1993–2013). В 3 т. Т. 2. СПб., 2013. С. 459–460.

3 Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Русский мир. М., 2003. С. 623.

4 Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1994. С. 575.

5 Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Русский мир. М., 2003. С. 624–625.

Впрочем, истоки мечты об уравнительности и социальной справедливости кроются в родовой и общинной практике распределения материальных и иных благ. Поэтому это скорее не мечта, а ностальгия по уходящему прошлому. Однако стремление к социальной справедливости – одна из самых характерных черт русского характера, столь ярко проявлявшаяся в жизни общин, а также в крестьянских бунтах, восстаниях и войнах и со всей очевидностью в русских революциях 1905 и 1917 гг.

Сказка раскрывает то, что скрыто в реальной жизни, в ее официальном благочестии и идеологии. Сказка разоблачает социальную вражду и жажду социальной утопии, раскрывает то, что живет в душе постоянно, как скрытое и подавленное желание. Сказки могут предсказывать будущее, «ибо с человеком случается обыкновенно то, чего он больше всего хочет, особенно чего он бессознательно хочет. Вот почему сказки так символичны для судьбы народа»¹.

Многое исполнилось: прыжок из царства необходимости в царство справедливости, где «беднота» будет сидеть на троне. На деле эта мечта оказалась очередной иллюзией, но попытка построить Царство Божие на земле состоялась в 1917 г. и в последующие годы советской власти. В определенной степени, пусть с натяжкой, но все же революционные события отражали полет фантазии наших предков, который всегда направлен в «иное царство», в «иное государство», «иные земли», «за тридевять земель», на край света. Далеко внизу остается все ежедневное, будничное, но также все мечты о сытости и все утопии жирного неба. «Сказка смеется над ними, не сюда устремлен ее полет, не это ее лучший сон»². Сон был древний, но, как оказалось, вещей.

Кроме того, по словам Б. Вышеславцева, в сказках явственно проступали такие черты русского характера, как «национальная скромность, самокритика и самоосуждение»³. Нет народа, который до такой степени любил бы ругать и обличать себя, смеяться над собою. Эта страсть к самобичеванию впоследствии дорого стоила России. Значительную часть антироссийских настроений иностранцы черпали и черпают из российских источников, в которых «прогрессивные общественные деятели», журналисты, часть историков и философов не жалеют сил в «обличениях» своей страны – ее косности, отрыва от цивилизационных магистралей, отсутствия свободы, прав личности, повального пьянства и т. д.

В «демократической» прессе обычным стало изображать гнусные свойства русского человека и традиционного уклада его жизни. Еще в свое время выдающийся публицист и литературный критик М.Н. Катков (1818–1887) писал: «Ничего не осталось нетронутым: и старина наша отвратительна, и новизна наша возмутительна, и простой народ наш безнадежен, и наши образованные классы исполнены всякой мерзости; и помещик, и крестьянин, и чиновник, и священник, и купец, все является образчиком человеческой гнусности, все подлежит беспощадному бичеванию»⁴.

1 Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Русский мир. М., 2003. С. 627.

2 Там же. С. 633.

3 Там же. С. 628.

4 Катков М.Н. Идеология охранительства. М., 2009. С. 389–390.

Так, склонность русского характера критически относиться к себе, отвергать эгоизм и самолюбование превратили в оружие против собственно русскости и самобытного жизненного уклада. Обличения русских и России дождем сыпались на головы российских граждан в 1990-е годы. Однако недуг самобичевания продолжает болезненно давать о себе знать и сегодня.

Со временем, когда язычество как религиозная вера отмирало, оставалось то, что выражало многовековую народную мудрость – сказки, былины, поговорки, пословицы, приметы и т. д. Этим багажом народных знаний, наблюдений, опытом взаимоотношений с природой, нормами человеческих отношений, трепетного почитания памяти предков – мы пользуемся и сегодня. И это естественно, так как языческое наследие формировало нашу ментальность и в определенной степени устойчивые качества нашего мировоззрения.

Православие не вытеснило ту часть духовной среды язычества, которая выражала народную мудрость, копившуюся тысячелетиями.

Особое место в истории культуры язычества и Древней Руси занимает былинный, богатырский эпос. Центральная фигура в этом эпосе – мужицкий богатырь Илья Муромец, олицетворяющий крестьянство как главную опору Руси. Илья Муромец служит земле русской бескорыстно, без честолюбия и тщеславия, не ради наград и почестей. Он оберегает Родину по зову души и сердца. Образ этого древнего богатыря настолько отвечал глубинным потребностям русской души, что веками олицетворял и будет олицетворять идеи патриотизма, служения, мудрой и доброй силы, призванной не разрушать, калечить и убивать, а охранять, защищать, выпестовать. Удадь без хвастовства и храбрость не для красоты, мужество без жестокости и милосердие силы – эти качества былинных богатырей стали эталоном русских воинов.

Если образ Ильи Муромца – плод фантазии авторов былин и сказок, то языческий князь Святослав – яркий персонаж русских летописей, воспевающих реальную воинскую славу этого великого полководца еще языческой Руси. Его знаменитое «иду на вы!» свидетельствует о благородстве князя, всякий раз предупреждавшего своих противников о начале боевых действий. Святослав не нападал из-за угла, из скрытых засад, обходился без помощи хитроумных ловушек, открыто, руководствуясь своей правдой, шел навстречу врагу. Именно о таких военачальниках обычно говорят: «Рыцарь без страха и упрека!» Помимо бесстрашия, князю Святославу (943–972) присуща уверенность в победе и яркая воинская доблесть, простота в житейских потребностях: спал и ел вместе со своими дружинниками, ходил в обычной, без украшений одежде.

Древнерусская языческая дружина была своеобразной воинской общиной. Она не походила на классическое воинское соединение, а была коллективом равноправных воинов. Поэтому в дружине, как и во всякой общине, преобладали ценности подлинного товарищества. Это понятно, ибо веками, по свидетельству Ибн Руста, существовала практика: «И если какое-либо их племя, род [поднимается против кого-либо], то вступаются они все. И нет тогда [между ними] розни, но выступают единодушно на врага, пока его не победят»¹.

1 Новосельцев А.П. Восточные источники по истории восточных славян и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2000. С. 264–323.

«Один за всех и все за одного» – древний принцип русских людей. Общинная идеология определяла практически все, в том числе и воинскую, стороны жизни Древней Руси. Стремясь воодушевить своих воинов на решающую битву с византийцами в 970 г., Святослав произносит одну из самых знаковых речей: «да не посрамят земли Русские, но ляжем костями ту: мертвыи бо срама не имають»¹.

Лев Диакон (ок. 950 – ок. 1000) воспроизвел весьма яркий и необычный для византийцев, привыкших к роскоши императорского окружения, образ Святослава на переговорах с императором Иоанном Цимисхием (925–976) о мире. Византийский историк так описывал события. «Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. <...> Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье, на скамье гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал»². Лев Диакон рассказывал, что император «с радостью принял условия [росов], заключил с ними союз и соглашение и дал им хлеба – по два медимна на каждого»³.

Дружинники Святослава ни при каких обстоятельствах не оставляли на поле брани своих павших товарищей. Лев Диакон описал обычай воинов князя Святослава по погребению погибших в бою с византийцами 21 июня 971 г. «И вот когда наступила ночь, и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед станом, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев, а также петухов, топя их в водах Истра. Говорят, что скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы и совершают возлияние по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса и Залмоксиса, то ли у соратников Ахилла»⁴.

Языческие верования русов описывают и другие источники. О сожжении ими покойников сообщают арабские авторы, об обряде жертвоприношения пленных у славян – скандинавы. Хорошо известен славянский обычай топить петуха – символ смерти. О жертвоприношении во время плаваний росов на пути «из варяг в греки» писал Константин Багрянородный (905–959)⁵.

1 Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989. С. 35.

2 Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко. М., 1986. С. 82.

3 Там же. С. 81.

4 Там же. С. 78.

5 Константин Багрянородный. Об управлении империей // Древнейшие источники по истории СССР. М., 1991. С. 48–49.

Святослав на века дал пример патриотизма, самопожертвования во имя победы, недопустимость позора поражения и трусости. Жизнь князя и его подвиги стали образцами для подражания, которыми вдохновлялись грядущие поколения русских воинов.

В русских сказках есть и иные, чем Илья Муромец, образы «богатырей». В частности, исполин Василий Буслаев, предводитель новгородской «вольницы», стал воплощением русского нигилизма, бесчинств и своеволия. Буслаев не верит «ни в сон, ни в чох», ведет разгульную жизнь, закатывает пиры, пугает Новгород своими бесчинствами, драками и бессмысленными убийствами. Илья Муромец и Василий Буслаев – антиподы, выражающие противоречивость русского характера.

Чрезвычайно важным представляется то обстоятельство, что в языческую эпоху сформировались понятия единства и гармонии мира, ценности жизни как человека, так и природы, восприятие мира как живого организма, на который переносятся свойства, присущие человеку. Природа обожествляется. На нее также смотрят как на соратника, помогающего человеку жить, трудиться, планировать будущее и т. д. Сложилось стойкое убеждение, что человек в общей картине мира является лишь частью единого, причем одухотворенного, организма. Эта божественная среда, в которую вписан человек через культы и обряды, откликнулась на его мольбы и просьбы, вступала с ним в живое общение, проявляла участие в делах людей.

Славяне обращались к природе как к матери, просили у нее пищи, удачи и силы. В пантеоне древних славян обожествлялись важнейшие качества коллективной жизни – жизнелюбие, жизнестойкость, храбрость, сила, любовь, семья, верность роду, служение, отвага и воинская доблесть.

Все эти и другие духовные ценности стали для нашего народа путеводной звездой на тернистом историческом пути. Совокупность языческих традиционных идей составила прaosнову русского национального характера и базисных особенностей отечественной культуры. Духовная чистота и красота человека рассматривались как высочайшая ценность – дар Божий, имеющий приоритет над всеми другими качествами человека.

Следует отметить уникальную стойкость языческих представлений о жизни. Они буквально тысячелетиями пронизывают духовную природу и суть восточнославянского и благополучно достигли современности. Язычество проявляется практически во всех сферах жизни и культуры современной России – в погребальной и свадебной обрядности, в сферах, связанных с праздничной, календарной обрядностью, в традициях сельскохозяйственного труда, предсказаниях будущего, бесчисленном множестве примет, в народной медицине, в заговорах и т. д. Все это не предрассудки и суеверия, а уникальный опыт наблюдений наших предков за природными явлениями, человеческими отношениями и правилами коллективной жизни, потребностями души человека в обретении святых, и не только. Это – плоды народной памяти и народного мировоззрения, к которым следует относиться бережно как ценностям, переданным нам далекими от нынешних времен пращурами.

Глава седьмая

ТВЕРДЫНИ ПОДЛИННОГО ХРИСТИАНСТВА

Итак, Русь в X в. стояла на пороге геополитического выбора в пользу христианской цивилизации, которая уже формировалась на протяжении тысячелетия как на Западе, так и на Востоке, превратилась в мировую религию, духовно объединившую десятки стран и народов. На этом длительном историческом пути выкристаллизовывались христианские ценности, взгляды на мир и место в нем человека, его призвание и смыслы жизни. Набиралось творческих сил христианское богословие как наука о Боге, мире и человеке. Ее становление и развитие сопровождалось острыми дискуссиями и спорами по базовым, сущностным проблемам христианского мировоззрения, фундаментальным христианским истинам и догматам.

Постепенно оформлялись две ветви христианства – западная и восточная. В X в. они еще представляли собой единое православие, но различия проступали все явственнее. Русь вновь оказалась перед проблемой выбора, теперь духовной: выбрать западный или восточный духовный путь развития? В итоге она стала приверженцем восточного христианства как столпа подлинной православной веры. В этой связи рассмотрим сущностные черты православия, сформировавшегося на Востоке христианского мира.

Отношение к восточному христианству в католической и в целом западной историографии, по сути, резко отрицательное. Греко-православное христианство, как правило, описывалось следующим образом: «деградация воли, подчинение всего епископата прихотям... императоров... узколюбый пиетизм, формализм и ритуализм в благочестии, которое всецело поглощено внешними проявлениями религии»¹.

Предвзятое отношение западных богословов и историков к православию является следствием духовного раскола Европы на западную и восточную ветви христианства, который впоследствии воплощался в практике международных отношений и многовековой враждебности Запада к России. Истоки противоречий между Западом и Россией таятся, по мнению Ивана Аксакова, в истории вражды двух духовных просветительских начал христианского человечества – начала латинского и православного.

Разнятся мироощущение и мировосприятие, осознание смысла жизни и исторического бытия, отношение к святости, долгу служения и др. Православная самобытность раздражает европейцев, стремящихся все подбить под шаблоны собственной жизни. Так удобнее доминировать и властвовать. Иной, чем европейский путь развития не только не принимается, но его стремятся не допустить. Европеизм навязывается, и у него по-прежнему много сторонников в современной России.

Корни противоборства между католическим Западом и православным Востоком лежат не только в политической и социально-экономической сферах, но и в духовной области, в различиях понимания сути мироустройства, перспектив его развития. Именно здесь возникли те противоречия, которые все больше не устраивали Западную Европу и подвигали ее снять их часто насильем, навязыванием

1 Цит по.: Пеликан Я. Христианская традиция: история развития вероучения. В 2 т. Т. 2. М., 2009. С. 1.

собственного образа мыслей и стиля жизни. Запад раздражает, что православие и, прежде всего, Россия, предложили миру свой путь к постижению Бога и смыслов исторического бытия.

С веками противостояние этих двух взглядов на мир и перспектив его преобразования только усиливалось, и нередко свою «правоту» наши западные соседи пытались доказать мечом. Однако на этой стезе их ждало горькое разочарование – волны попыток покорить Россию неизбежно разбивались о ее твердь. Не является ли это убедительным свидетельством исторической правоты православной России, высоты ее духа и, если угодно, Божьего промысла? На наш взгляд, является...

Не случайно отцы церкви еще на заре распространения христианства утверждали, что у Востока – особая миссия. Само слово Христово пришло с Востока. Именно на Востоке волхвы, как посланники уходящего языческого мира, пришли к яслям Христа с дарами, что символизировало начало новой, христианской эры. По большей части с Востока распространялось христианское богослужение и вероучение, а различные доктринальные споры показали, что «нет ни одного латинского термина, который бы соответствовал тончайшим концептуальным дистинкциям «греческого богословия»¹.

Следует также помнить, что восточное монашество дало толчок религиозной жизни на Западе посредством «Жития Антония», написанного Афанасием (ок. 295–373) и очень рано переведенного на латинский язык². Безусловно, христианский Восток первичен по отношению к христианскому Западу хотя бы по той причине, что Восток – родина христианства. Важно учесть и то обстоятельство, что в богословских спорах между Востоком и Западом существовал барьер – стороны не просто не слышали, но и не понимали друг друга. Восточные богословы знали латынь, а, напротив, западные не владели греческим языком. Каждая из сторон шла в духовном плане своим путем, и расхождения со временем только усиливались.

В VII в. масштабной фигурой в развитии христианского вероучения был св. Максим Исповедник (ок. 580–662) – выдающийся мыслитель византийской церкви. Главная мысль его трудов – беречь традицию и защищать учение, переданное святыми отцами, и христианскую догматику – этот свет истинной веры. Максиму Исповеднику принадлежит идея незыблемости христианских традиций и чистоты вероучения. Эта идея стала краеугольной в православии. Никогда не забывать, беречь и передавать последующим поколениям христианское святоотеческое наследие – этот бесценный духовный дар. Верность святоотеческому преданию всегда сопутствовала восточному христианству и ярко его характеризует.

Другая важная идея восточного христианства – идея «обожения» человека. Христос пришел в этот мир, чтобы избавить человека от убивающих его душу грехов и обретения им подобия Бога, человек должен «обожиться». Причем «обожение» – дело трудов самого человека, его духовной борьбы со своими плотскими и душевными пороками с Божьей помощью, которую необходимо заслужить, что относится к одному из смыслов христианской жизни, осененной Божьей

1 Пеликан Я. Христианская традиция: история развития вероучения. В 2 т. Т. 2. М., 2009. С. 3.

2 Там же. С. 5.

благодатью, которая не исключает, а напротив, предполагает свободу воли человека, ибо за ним остается право выбора – стремиться к «обожению» или остаться во грехах.

Максим Исповедник подчеркивал, что Бог «лишь желающую [волю] преобразует для обожения»¹. «Обожение» – это стремление человека к единению с Богом, что является главной целью христианина. Вера, писал Максим Исповедник, вселяет уверенность, что Бог есть, и божественное реально, а церковные догматы представляют собой богооткровенную истину и поэтому непреложны.

Все сказанное святыми отцами в эпоху христианской древности есть «учение истины», отпадение от которой вновь обращает человека в первобытное состояние. Только для лжи свойственно отстаивать сегодня одно, завтра другое, и в зависимости от конъюнктуры постоянно менять свои взгляды. Правоту этого православного постулата подтверждают шараханья тех или иных идеологов-новаторов от одной идеи к другой, а наиболее ярко ложь укоренилась в лицедействе и лицемерии политиков. Бог вечен и неизменен, а вместе с ним вечна и неизменна истина. Ложь же ее раскалывает и извращает. Недаром лжец ассоциируется с изворотливостью, лукавством, интригами, подбострастием и т. д.

Христианство создало качественно новое антропологическое учение. Оно утверждало значение единичной и неповторимой личности как единства тела, души и духа. По св. Григорию Нисскому (ок. 331 – ок. 394), человек оказывается составленным из трех начал, подтверждение чему находим мы и у апостола Павла в его послании, где он желаем им: «и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа»².

Телом Григорий Нисский называет питающую силами часть души, душой – чувственную, а духом – разумную. Душа колеблется между добродетелью и пороком, а дух целиком устремлен к жизни по Богу. Отсюда человек обречен на постоянную борьбу между телом, душой и духом, что в конечном итоге составляет суть и основу его личности. Вопрос только в том, какая из частей этого триединства возобладает и определит качества личности.

Человек, следовательно, сотворен по образу святой Троицы. Тем самым утверждается абсолютная уникальность и ценность любой личности как меры ее богоподобия. Каждый человек является Божьим избранником и может приобщиться к дарам Святого Духа. Они наиболее ярко проявляются в творчестве, которым кроме человека не располагает ни одно живое существо в мире. Бог-творец наделил даром творца и человека, подчеркнув тем самым его богоизбранность. «Обожение» человека осуществляется через благодать Святого Духа. С этим связана необходимость «стяжания Святого Духа». Учение о стяжании Духа Святого позже разработал и проповедовал Серафим Саровский (1754–1833).

Важным следствием православной концепции «обожения» человека, его приобщения к Богу (теозиса) является оправдание материального бытия, которое не может быть злом, ибо сотворено любящим Богом. В православии зло и дьявол – не

1 Максим Исповедник, *прп.* Вопросы-ответы к Фалассию, 6 // Максим Исповедник, *прп.* Творения. Т. 2. М., 1994. С. 42.

2 Первое послание Фессалоникийцам 5: 23.

бытие, а небытие, которое рождается от несовершенства человека, недостатка в нем любви и веры, отказа от стремления к единению с Богом.

В процессе мистического единения Бога и человека должны в равной мере принимать участие тело, душа и дух человека. Согласно апостолу Павлу, наши тела «суть храм живущего в [нас] Святого Духа»¹, мы – дом Бога, «как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом»².

Телесность в православии получила своего рода «освящение» и не рассматривается как исключительно источник и вместилище греха. Основой для этого утверждения являлось то, что телесными были и сам Христос, и Богородица, и апостолы, и все христианские святые.

Трагедию человеческой жизни христианство видит во внутреннем конфликте, который происходит в душе человека, мятущейся между телом и духом, необходимость сделать выбор между земным и Божьим, добром и злом и др.

Основным препятствием на пути к «обожению» православие считает привязанность человека к телесности, которая обрекает его на страдания от страстей и пороков. Самой мощной и разрушительной страстью является эгоцентрическое сознание, абсолютизация своего «я». Феофан Затворник (1815–1894) утверждал: «Все они (страсти) исходят из самоугодия, самости, самолюбия и на них держатся»³. Православие признает правомочность и необходимость любви человека к себе, но эта любовь должна быть неразрывно связана с любовью к Богу, создавшему человека. Это своеобразная сыновья любовь, далекая от эгоизма, а тем более от поклонения своему «я», которое должно восприниматься как часть Божьего творения. Следовательно, следует беречь и заботиться о физическом и духовном здоровье, добиваться душевного покоя и радостного восприятия жизни, дарованной Богом. Таковы проблемы «обожения» человека как смысла его жизни, поставленные еще на заре христианства.

Особое место в раннем христианстве в пору становления основ православного вероучения занимала борьба православных богословов и отцов церкви с различного рода ересями. По Максиму Исповеднику, еретик – тот, кто открывает «новую веру» о «чуждом боге», пытается стать «новым пророком». Православная церковь чиста и непорочна, ибо она есть средоточие евангельской истины и останется такой во веки веков. Не новшества в вероучении следует искать, а укрепления святоотеческих традиций и глубокого осмысления Священного Писания. Эти идеи – столпы и твердь православия.

В основании веры во Христа лежит авторитет апостолов, носителей сверхчеловеческих тайн и божественной силы, ибо ее они получили из рук самого Христа. Творения святых отцов церкви не им принадлежат, но исходят от дарованной им самим Христом благодати. Поэтому авторитет отцов церкви непрерываем. Так, св. Афанасий именуется «богоносным учителем», св. Василий

1 Послание Первое Коринфянам 6:19.

2 Послание Второе Коринфянам 6:16.

3 Феофан (Говоров Г.В.; *еп. Владимирский и Суздальский*). Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? М., 2017.

(ок. 330–378) – «великим оком церкви», Климент Александрийский (ок. 150 – между 211 и 216) – «философом философов», Дионисий Ареопагит (I в.) – «истинным богословом, великим и святым Дионисием», Григорий Богослов (ок. 330 – ок. 390) – «пребожественным» и др. Заметим, что эти непререкаемые авторитеты христианства практически все выходцы из христианского Востока.

Подводя итоги представлений о роли святоотеческой традиции, патриарх Иерусалимский Софроний (560–638), современник Максима Исповедника, писал: «Апостольское и древнее писание главенствует в святых церквах по всему миру и посему введенные в священноначалие честно возводят все, что они думают и во что веруют, к священноначалию бывшему до них»¹.

Все православие должно быть апостольским и иметь крепкие корни в глубине веков. Подобная позиция чрезвычайно важна для формирования исторической памяти, которая обеспечивает единство христианской веры и общность прошлых, настоящих и будущих поколений христиан. Закладывался прочный мировоззренческий фундамент, на котором строилась как жизнь церкви, так и духовная жизнь верующих.

Проблема традиций особенно обострилась в современном мире, втянутого в постмодернизм, отвергающий все традиции и религию как таковую. «Бог умер» – девиз Ницше (1844–1900) начертан на знаменах постмодернистов. «Смерть бога» означает и смерть традиций. Это глубочайшее и опаснейшее заблуждение. Недопустимо противопоставлять традиции новациям.

Об этом писал выдающийся русский мыслитель С.Л. Франк (1877–1950). «В глубине соборной исторической жизни человечества, как и в глубине индивидуального духа, неустанно и неустранимо совместно соучаствуют и традиции, сохраняющие силы прошлого в настоящем и передающие их будущему, и творческая энергия духовной активности, устремленная к будущему и рождающая новое»². Мыслитель подчеркивал, что носителем традиции является общественное единство, общество как целое, а новаторство проявляется в творчестве личностей, вписанных в исторически сложившееся бытие.

Традиции – постоянное, новации – изменчивое. Выдержать пропорции между постоянным и изменчивым означает найти ключ к успешному развитию. Необходима гармония между этими фундаментальными основами исторической жизни. Вновь обратимся к С.Л. Франку, который завещал нам, что «всякий рациональный отрыв от предания есть отрыв зачинающегося ростка от питающей его почвы. ...чем больше эта жажда нового принимает характер не творческого положительного созидания, а чистого отрицания старого, тем больше она духовно обращена в самом этом отрицании на старое и прикована к нему. Вместо здорового подлинного рождения, которое есть не отрицание или истребление старого, а его преодоление через внутреннее его претворение и преображение, здесь возникают бессильные судороги...»³.

1 Цит по.: Пеликан Я. Христианская традиция: история развития вероучения. В 2 т. Т. 2. М., 2009. С. 21.

2 Цит по.: Киселев А.Ф. Жизнь и смыслы. М., 2015. С. 59–60.

3 Киселев А.Ф. Жизнь и смыслы. М., 2015. С. 59–60.

Авторитет отцов церкви необходим для преодоления сомнений и разногласий в трактовке истин веры. Известно, что сомнения несовместимы с верой. Да и сама вера – понятие нерациональное, а сугубо духовное, скорее мистическое и сверхличностное.

Для православия наряду с авторитетом Священного Писания и Священного Предания характерен авторитет церковных соборов – коллективного и подлинно демократического решения судьбоносных для вероучения вопросов. При этом только те решения соборов признавались истинными, которые не противоречили друг другу и следовали святоотеческому преданию, ибо Святой Дух не противоречит сам себе. Он целостен, неизменен, постоянен и свят Божьей истиной.

Так, в 325 г. на Никейском соборе 318 его участников утвердили знаменитый «Символ вер», который звучал, звучит и будет звучать под сводами христианских храмов. Это документ, которому нет равных в мире по силе духовного творчества. Каждое слово в нем наполнено глубоким смыслом и поражает логикой, убедительностью изложения сути христианского вероучения. Благодаря Никейскому собору свет увидел такой «Символ вер», который стал краеугольным камнем христианства.

На Никейском соборе было отвергнуто арианство, основатель которого священник Арий (256–336) утверждал, что Бог-сын (Христос) не «единосущен» Богу-отцу. Арий отрицал существование Бога-сына в Боге-отце до его рождения. Никейский собор вопреки арианской ереси сформулировал догмат о единстве святой Троицы, который стал центральным в христианском вероучении на все последующие века. Бог-отец, Бог-сын и Святой Дух едины в своей святости и божественной силе.

В догматических спорах и острых дискуссиях выкристаллизовывалось то ядро христианского вероучения, которое становилось его незыблемым фундаментом. Собор 381 г. в Константинополе был собран для осуждения и развенчания лжеучений Македония и Аполлинария. Первый отрицал в Святом Духе полноту божества. Второй отрицал в Иисусе Христе присутствие человеческой души и тем самым ставил под сомнение один из центральных догматов христианства, что в Иисусе Христе воплощается единство Бога и человека.

Собор осудил еретиков и подтвердил истинность догмата Никейского собора о святой Троице, а также, что чрезвычайно важно, сформулировал учение о Святом Духе, которое впоследствии стало одной из главных причин Вселенского раскола между католицизмом и православием.

Святой Дух – самая таинственная ипостась в христианстве. Его действия проявляются, прежде всего, в мистической жизни церкви и в духовной жизни святых, которые подчеркивали, что уловить его действия возможно лишь через чувства и предчувствия и, особенно, через ниспосланную Богом благодать – состояние души, наполненной миром, покоем, тишиной, созерцанием и т. д. Благодати Святого Духа удостаиваются также крепкие в вере и чистоте духовной жизни миряне.

Святой Серафим Саровский, а позже св. Иоанн Кронштадтский (1829–1909) говорили о том, что тот, кто хотя бы раз испытал благодать Святого Духа, будет его беречь как самое сокровенное и необходимое. Иоанн Кронштадтский рассказывал о том, как он шел в церковь и, проходя мимо нищей, поморщился от неприятного запаха ее грязного тела. Он подумал: «Сидишь здесь годами, знаю, сколько денег

собираешь, и не можешь вымыться». Он осудил ее и сразу почувствовал уход благодати Святого Духа. Святой раскаялся, и благодать вернулась. Подобное случилось и в храме, когда дьякон уронил кадило, св. Иоанн с раздражением подумал: «Какой неловкий, служит двадцать лет, а все спотыкается». Святой Иоанн снова почувствовал уход благодати и вернул ее раскаянием за осуждение ближнего. Так случалось много раз по различным поводам.

Бог вездесущ, вездесущ и Дух Святой, животворящий источник жизни и вдохновения. Святой Дух проявляется в природе. Само имя духа на различных языках означает воздух, дуновение, ветер, вдох и др. Символ Святого Духа и огонь. На Пасху христиане, затаив дыхание, ждут нисхождение благодатного огня. Русский мыслитель Г.П. Федотов писал: «В огне и буре открывается человеку не только мощь разгневанного Божества, но и вдохновляющая сила Божия, исполняющая его трепетом и восторгом»¹.

Вода – тоже стихия Святого Духа. В крещенскую воду нисходит благодать Святого Духа. Само крещение Иисуса Христа связано с погружением в воду и ниспосланным Богом-отцом в виде голубя Святым Духом.

Происхождение культуры во многом связано с представлениями о действии Святого Духа. Все пронизано промыслом Божьим, а значит и Духом Святым. Культура – дело человека, но Богом вдохновленного на творчество. Культура немислима без рассудочных знаний, но она немислима и без вдохновения, которое можно только прочувствовать, рассудком его невозможно ни понять, ни объяснить. Вдохновение связано со словом «вдох». Так кто же «вдыхает» вдохновение в человека?

Христиане видят во вдохновении действие Духа Святого. Не случайно веками раньше великий Аристотель (384–322 до н. э.) называл поэта одержимым Богом. Можно привести множество примеров, когда в процессе творчества подлинны таланты говорили, что им казалось, будто их произведения кто-то свыше им нашепывал. Об этом, в частности, писал философ Артур Шопенгауэр (1788–1860).

Логос (слово, рация) олицетворяет порядок и гармонию. Дух – вдохновение, восторг, творческий порыв. Начало Духа преобладает в художественном творчестве, начало логоса – в научном познании. Рациональное и иррациональное едины, их нельзя противопоставить, иначе человек лишится ценности. Бездуховная, обездушенная культура мертва. Христианская культура формировалась как боговдохновленное творчество. К сожалению, так характеризовать современную культуру невозможно...

Вернемся к первым Вселенским христианским соборам. В 431 г. в Эфесе состоялся третий Вселенский собор. Если в Константинополе были осуждены те, «кто враждебен Духу», то в Эфесе анафеме был предан «человекопоклонник Несторий со всем его нечестием, враждебным Христу»². Такой характеристики

1 Федотов Г.П. О Святом Духе в природе и культуре // Собр. соч. В 12 т. Т. 2. М., 1998. С. 234.

2 Пеликан Я. Христианская традиция: история развития вероучения. В 2 т. Т. 2. М., 2009. С. 27.

патриарх Константинопольский Несторий (после 381 – ок. 450) «удостоился» за отрицание богочеловеческой природы Христа и утверждение, что Бог-сын – это человек, а не Бог.

Итоги споров о божественной или только человеческой сути Христа подвел в 451 г. Халкидонский собор. 630 участников Собора определили, что Иисус Христос – Богочеловек в двух (божественном и человеческом) естествах, которые слитны, едины, нераздельны и противопоставлять одну его ипостась другой – ересь, величайший грех и отход от основ православия. Халкидонский собор приобрел равную Никейскому значимость, и его решения стали непререкаемой истиной в христологии.

Итак, первые четыре Собора в Никее, Константинополе, Эфесе и Халкидоне, преодолев различного рода ереси, утвердили незыблемые, не подлежащие ни при каких условиях пересмотру, корректировке, ревизии, основы православного вероучения – догматы о Святой Троице, Святом Духе, богочеловеческой сути Иисуса Христа.

Следует также особо подчеркнуть, что центральной в христианстве является идея спасения – обретение вечной жизни и спасения в Царстве Божьем как цели и смысла жизни христиан. По словам известного русского богослова конца XIX – первой половины XX в. Виктора Ивановича Несмелова (1863–1937), «подвиг христианской жизни... не может однако быть непосильным для христианина, потому что дело спасения человека не только его личное дело, но вместе с тем оно и Божье дело; и оно одновременно совершается как личными силами, ищущего спасения человека, так и божественной силою Спасителя мира – Христа»¹.

Спасение – это богочеловеческое дело, но при максимальной свободе воли самого человека, его энергии, целеустремленности, жажде христианского самосовершенствования, твердой решимости жить заповедями Христа, апостольскими учениями. Спасение – это сотрудничество человека с Богом на пути к собственному «обожению». По образному выражению князя Е.Н. Трубецкого (1863–1920), «чтобы найти Христа, человек должен принять на себя труд и подвиг Его искания»².

Я. Пеликан (1923–2006) полагает, что водораздел между латинской (католической) и восточной (греческой) ветвями христианства начал проявляться еще в конце IV в. Начало ему положили труды Блаженного Августина (354–430), наиболее почитаемого в католическом мире святого. Он обосновал идею божественного предопределения жизни человека. У Блаженного Августина она осознается как драма человека перед неотвратимостью предопределения, которое неизбежно свершится. Человек выступает в качестве слепого орудия Бога. Всякий проблеск свободы воли человека гаснет в мире железной необходимости.

У восточных богословов был иной подход к учению о человеке. Кратко эти различия выражает формула греческого богослова Максима Исповедника: «Наше спасение в конечном счете зависит от нашей собственной воли». Бог наделил

1 Несмелов В.И. Наука о человеке. Т. 2. СПб., 2000. С. 381–382.

2 Цит. по: Киселев А.Ф. Жизнь и смыслы. С. 176.

человека свободой воли. Человек способен встать на путь снискания даров Божьих и Царства Небесного и избежать смерти, которая является следствием грехопадения Адама. Опираясь на дарованную Богом свободу воли, человек может приобрести радость ощущения в своей душе Всевышнего и приобщиться к истинной жизни.

Как видим, подходы разные. У Блаженного Августина – фатальная неизбежность расплаты за первородный грех, а у греческих богословов возможно личное спасение и преодоление первородного греха через праведную жизнь и соединение с Богом, которое и есть «обожение» человека.

Сочинения Блаженного Августина оказали огромное влияние на католическое христианство. Однако несправедливо многогранность этого выдающегося христианского мыслителя сводить исключительно к концепции божественного предопределения. Блаженный Августин внес самый весомый вклад в христианскую антропологию, христологию и вероучение в целом. Значение его творчества в христианском мире трудно переоценить.

Вместе с тем правы те историки, которые отмечают, что в известной мере учение о предопределении повлияло на формирование жесткой иерархии католической церкви и безусловного подчинения ей верующих, что в конечном счете вызвало протестантизм, усомнившийся в диктате римского папы. Славянофил и крупный мыслитель А.С. Хомяков (1804–1860) отмечал, что авторитет папы римского превратил христиан из ответственных участников жизни Церкви в ее подданных¹. Единство христианской церкви было нарушено. А.С. Хомяков писал: «Как только авторитет сделался внешней властью, а познание религиозной истины отрешилось от религиозной жизни, так изменилось и отношение людей между собой: в Церкви они составляли одно целое, потому что в них жила одна душа; эта связь исчезла, ее заменила другая – общеподданническая зависимость всех людей от верховной власти Рима»². Складывалось единство по принуждению, ставшее питательной средой для утверждения индивидуализма европейцев, который был ответной реакцией на принудительное единство.

В отличие от католичества в основе православной церковной мысли лежит идея соборности, в которой церковь – не иерархическая структура, принуждающая к вере, не авторитет высшего иерарха, как у католиков, а внутреннее живое и осознанное единство. Это духовное единство верующих основано не на принуждении, а на свободе и любви. Соборность, как утверждали православные мыслители, проистекает от Святого Духа, живущего в Церкви и сердцах преданных Христу верующих.

Идея соборности, по словам Хомякова, позволяет совместить провиденциализм с активностью человека. Реальный исторический процесс – это всегда совокупность «действий свободы человеческой и воли всемирной». Божий Промысел есть, но ошибочно «смирненно ждать милостей Божьих», необходимо активно действовать по преображению мира. В соборности воплощается подлинный

1 Киселев А.Ф. Искать союза с собой // Высшее образование сегодня. 2017. № 8. С. 42.

2 Хомяков А.С. Дар песнопенья; О старом и новом; Церковь одна; Труденик. М., 2007. С. 267.

демократизм союза людей, объединенных едиными смыслами жизни и нравственными ценностями.

Таковы в самых общих чертах сущностные идеи восточного христианства. Однако для языческой Руси IX века они оставались тайной за семью печатями. Двери для осознанного восприятия христианства Русью широко распахнули святые Кирилл и Мефодий, осуществившие беспримерную по масштабам и уникальности работу по приобщению славянства к христианству. По сути, они совершили в истории невиданную по значимости культурную революцию в славянском мире. Их духовный подвиг глубоко и непосредственно повлиял на православную судьбу Руси-России.
